

РОБЕРТО ЭМАНУЭЛЛИ

итальянский бестселлер

ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ, С ЧЕГО НАЧАТЬ

«ЭТОТ РОМАН – НАСТОЯЩИЙ
ГИМН ВОЗРОЖДЕНИЮ
И ЛЮБВИ К СЕБЕ»

ARTI E SPETTACOLO

Роберто Эмануэлли

Теперь я знаю, с чего начать

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74331591
Теперь я знаю, с чего начать: Лайвбук; Москва; 2026
ISBN 978-5-907784-83-3*

Аннотация

Истории женщин, которые оказываются в ловушке любви, рискуя потерять себя в мучительных отношениях с партнерами.

Клара и Анна живут в разных городах Италии: одна – в столичном Риме, другая – во всегда оживленном Милане. Клара работает в книжном магазине, а Анна изучает экономику, чтобы в будущем возглавить семейный бизнес. Но так ли они отличны друг от друга? Ведь личная жизнь обеих напоминает сумасшедшие качели. Надежда сменяется отчаянием, отчаяние – вспышками любви и верой в то, что счастье близко. В этой изнурительной гонке время летит незаметно, но, может быть, стоит остановиться и задуматься, как вернуть контроль над собственной жизнью? В конце концов, Клара это или Анна, впереди только один путь: залечить раны, обрести любовь к себе, начать все заново и стать счастливой.

Содержание

1. Невидимой. Именно так я себя чувствую, понимаешь?	6
2. Со всей яростью говорю тебе, что ненавижу. Со всей яростью кричу тебе лишь одно: люблю	20
3. Где я в твоей жизни?	25
4. Чувство пустоты	46
5. Если ты моя любовь, почему мне так плохо?	53
6. Все во мне пропитано тобой	74
7. Я просто хотела, чтобы ты обнял меня	78
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Роберто Эмануэлли

Теперь я знаю, с чего начать

*Посвящается тем, кто, как и я, столкнулся с
больной любовью.*

*Тем, кому пришлось пережить токсичные
отношения.*

*Тем, кто отказался от себя ради другого
человека.*

*Тем, кто отдал все, что имел, не получив ничего
взамен.*

Тем, кто менялся, чтобы понравиться кому-то.

Тем, кто погружался в боль и отчаяние.

*Тем, кто верил, что все правда, а оказалось –
вранье.*

Тебе,

кто ищет того, кто тебя полюбит,

сделает счастливой,

защитит,

поддержит,

придаст сил,

наполнит,

заставит чувствовать себя красивой,

кто всегда будет держать тебя за руку...

*Так вот, хочу сказать тебе нечто важное, что,
возможно, изменит твою жизнь, что, возможно,
покажется тебе*

*банальным: этот кто-то действительно
существует,
и это – ты.*

«Мы не для всех».

Originally published as *Ora amati* in Italy in 2024 by
Giangiacomo Feltrinelli Editore Milano.

This edition published in agreement with the Author
represented by United Stories Agency – Roma, in conjunction
with Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA).

Questo libro è stato tradotto grazie a un contributo per la
traduzione assegnato dal Ministero degli Affari Esteri e della
Cooperazione Internazionale italiano.

Эта книга переведена благодаря финансовой поддержке,
предоставленной Министерством иностранных дел и между-
народного сотрудничества Италии.

Copyright © 2024 Roberto Emanuelli

© Евгения Макарова, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. Livebook Publishing LTD,
2026

1. Невидимой. Именно так я себя чувствую, понимаешь?

Жизнь Клары

20 ноября

Невидимой.

Именно так я себя чувствую, понимаешь?

Не легкой, почти невесомой, как мне хотелось бы, а невидимой.

Невидимой для твоих глаз, которые никогда не хотели по-настоящему меня рассмотреть.

Невидимой для глаз моих собственных, которые разучились воспринимать.

Которые больше не узнают меня саму.

Которые больше не узнают самих себя.

Я подарила тебе почти все, что у меня было: взгляд, невинность, неистовство, шепот слов. Море и ветер. Записку, сложенную вчетверо, с моей душой и всей жизнью внутри. Жар и холод. Музыку и шум. Рождение и смерть. Рассвет и закат. Ненависть и любовь.

Ты же дарил мне слова, в которые сам не верил.

Ты дарил мне пустоту и отсутствие.

Ты дарил мне все возможные способы почувствовать себя неполноценной.

И хрустальную клетку, чтобы я медленно в ней умирала.

Я не прощу тебя, Алессандро, не прощу за то, что ты играл с моей жизнью.

Я не прощу себя за то, что позволила тебе.

Я не прощу себя за то, что продолжала позволять.

Афиша у входа в книжный магазин, извещающая о презентации Марко Маджи, расплывается у меня перед глазами. Я не могу прочитать «5 декабря 2024». Это еще не слезы, но я чувствую, что они на подходе. Если дам слабину. Я быстро, с досадой тру глаза.

Голос Мины на фоне, поющий *Se telefonando*, усиливает мою меланхолию.

Сегодня один из тех дней, что начались крайне плохо, как ни взгляни: сначала доставили слишком много коробок, битком набитых книгами; потом Луиза, коллега, отвечающая за склад, позвонила сказать, что плохо себя чувствует и сегодня не придет. Кроме того, инвентаризация показала чрезмерную недостачу книг и канцтоваров. Конец ноября в книжном – это ад!

Еще меня немного раздражает отношение коллег, мне хочется, чтобы они были поактивнее. Я обожаю свою работу. Ее нельзя делать без глубокой любви. И я люблю этот книжный, который воспринимаю как свой собственный, хоть он и является частью сети магазинов. Для меня это место – средоточие всего самого прекрасного. И мне хочется дарить это

прекрасное другим. Потому что книга лечит. Я тысячу раз испытывала это на себе. Для меня быть книготорговкой – это миссия. И я хочу всегда быть готова выполнить задачу, которую сама себе поставила. У меня отличная команда, толковые коллеги, но иногда я жду от них большего. Потому что цели, которые ставит перед нами головной офис, становятся все амбициознее, и я хочу соответствовать ожиданиям. А сегодня у меня еще и месячные. Проклятые месячные. И кашель никак не проходит. И еще он, он... За последние двое суток я поспала часа четыре. Он должен был выйти на связь в понедельник, сразу после разговора с женой. Он обещал. Я позавчера ждала его звонка до пяти утра. Поверила ему. Снова. В очередной раз. А он что сделал? Исчез. На телефон не отвечает. Сообщения прочитаны и проигнорированы. А я сижу и без остановки проверяю его активность в соцсетях. Только и делаю, что одержимо смотрю в экран. Какая же дура... А ведь в какой-то момент я даже начала волноваться, на мгновение мне стало страшно, что с ним что-то случилось. Потом я увидела, что он опубликовал фото с женой и детьми на детском празднике... и заметила, как у меня дрожат колени и как вновь мной овладевает то самое чувство. Чувство пустоты и боли. Растерянности и гнева. Грусти. Дура! «Мы живем в одном доме, но отдельно!» Как я могла продолжать ему верить? Отчитывая себя, я перемещаюсь взад-вперед по книжному магазину, прохожу его вдоль и поперек, расставляю книги на витрине. Перекладываю афишу следу-

ющего мероприятия, последнего перед Рождеством. Невротически передвигаю книги. Проверяю алфавитный порядок: сначала итальянская художественная литература, потом зарубежная. Потом раздел о кино. Издания для подростков. И так далее. Без остановки. Обслуживаю покупателей, показываю, где найти нужные книги. Всегда с улыбкой. Но внутри – лед. На ходу взгляд мой падает на «Стоунера» Джона Уильямса, возможно мой любимый американский роман. Он о том, как превратить обычную жизнь в выдающуюся. Это была любовь с первого взгляда. И в одно мгновение, при одном этом воспоминании, на сердце становится легче. Вот оно – чудо, которое творят книги: они всегда находят ко мне дорогу, ласкают меня, спасают. Быть книготорговцем для меня – не только призвание, но прежде всего исцеление.

Вернувшись в офис, чтобы взять сумку и пойти съесть пока в кафе за углом, я слышу телефонный звонок. Это Паоло.

– Привет, чудесная книготорговка!

– Привет, агент недвижимости моей мечты!

– Что случилось? – Тон моего голоса, должно быть, прозвучал менее убедительно, чем я надеялась.

– Ничего нового, я устала даже говорить об этом и не хочу тебя утомлять. Мои американские горки уже не такие захватывающие...

– Да перестань! – восклицает он с присущим ему врожденным изяществом. – Ты была так счастлива во вторник, когда мы виделись! Что случилось?

– Два дня назад он должен был поговорить с женой...

– С женой? Да ну! Почему ты мне ничего не сказала? Ты, наверное, с ума сходишь от тревоги. Ты должна была сказать мне, должна была сказать нам. Мы были бы рядом. Ну, как все прошло?

– У меня не хватило смелости рассказать даже самой себе, настолько все казалось мне масштабным, почти невозможным, я даже поверить не могла, и я боялась разочароваться и снова оказаться в дураках... И не ошиблась! – говорю я почти смеясь. – Как прошло? Он исчез... Мы договорились, что он позвонит мне сразу после разговора, но с того дня я о нем ничего не слышала. Тотальный гостинг. Самый настоящий. Не отвечает ни на звонки, ни на сообщения. Которые, кстати, читает. Ничего. Пустота. Я снова попалась на ту же удочку.

– Ты уверена, что с ним ничего не случилось?

– Абсолютно уверена, к сожалению... Он выложил праздничное фото с детьми, в толпе богато одетых людей, в гостях у другого ребенка, там была и жена...

– Блин...

– Ну а сколько можно себя обманывать, все и так ясно, уже три года эта история повторяется по одной и той же схеме. Дура здесь я.

– Быть влюбленной не значит быть душой.

– Я начинаю в этом сомневаться, ты в курсе?

– Клара!

– Слушай, мне надо идти, сейчас обеденный перерыв, и у меня очень мало времени, магазин забит, а нас всего трое. Когда увидимся?

– Да, мне тоже надо бежать показывать дом клиентам, они уже приехали. Кстати, поэтому я и позвонил. Как насчет мексиканской кухни вечером двадцать девятого? На этой неделе у меня совсем нет свободного времени!

– Договорились! Позовем Мартину? Так мы наконец-то проведем вечер все вместе?

– Да, давай, здорово!

– Тогда я позвоню ей позже.

– Клара...

– Да.

– Он – мудака. И еще... Я тебя люблю.

– Я тебя тоже!

Едва я закончила разговор, телефон снова звякнул. Пришло сообщение. Я решаю не проверять, от кого оно, в надежде, что все-таки от него, но пока я рассказываю себе эту сказку, уже открываю его, желая изо всех сил, чтобы это был он. Но нет, это Мартина. Отвечу ей позже. Обычно я отключаю звук и редко проверяю телефон во время работы. Но он рушит все мои планы. Мои правила. Мой порядок. Он извращает мою натуру. Из квадрата он делает меня кругом. Иногда – клубком беспорядочных линий. Без начала и без конца.

Мне не хотелось так делать, чтобы не казаться занудой,

но эмоции оказываются сильнее меня: перед уходом домой я собираю коллег.

– Тициана, пожалуйста, не забывайте проверять, чтобы книги стояли в алфавитном порядке, некоторые иногда оказываются не на своем месте. Я кое-что поправила, но эту работу нужно делать лучше. Мы не должны упускать из виду детали. Они имеют значение в книжном магазине. Вы прекрасно знаете, у нас нехватка персонала, поэтому важно, чтобы клиенты сами легко находили то, что ищут. И еще: когда заходят покупатели или вам случается встретиться с ними взглядом, пожалуйста, здоровайтесь первыми, даже если они этого не делают, улыбайтесь, будьте вежливы и любезны, спрашивайте, не нужна ли им помощь! Это заставит их в следующий раз вернуться к нам, а не покупать онлайн. Все понятно?

– Конечно, Клара... – отвечает немного сбитая с толку Тициана, мой заместитель.

Я смотрю на нее и понимаю, что перегнула палку. Мои коллеги вкладывают столько души в свой труд. И я это знаю. Я была к ним несправедлива. Это все из-за той ярости, что сидит у меня внутри. Из-за разочарования, тревоги, что пожирает меня. Они действительно хорошие работники, настолько, что, если бы мне однажды удалось осуществить свою мечту и открыть собственный книжный, я бы хотела взять их всех с собой.

– Клара, я люблю эту работу! – парирует Тициана, огор-

ченная моей вспышкой.

– Я знаю, и я очень горжусь тобой, всеми вами. Но я еще и ваш руководитель и не могу ослаблять бдительность, даже ценой того, чтобы иногда показаться немного противной. – Я улыбаюсь ей, мне не хочется быть излишне неприятной.

– Окей. Я знаю, как тебе это важно, я сделаю все возможное. Скажу и остальным.

– Я выношу вам мозг? – спрашиваю я, пытаюсь сгладить эффект от своих слов. Я не хочу, чтобы у нас в коллективе было какое-то напряжение.

– Вообще-то, да. Но совсем чуть-чуть, – отвечает она, хихикая.

Я тоже смеюсь, затем меняю тему.

– Скоро начнем думать о рождественском декоре, я не люблю выставлять его раньше времени, но сейчас везде так принято.

– Ладно. Расставим как в прошлом году?

– Потом обсудим. У меня есть идея, я хочу, чтобы в этом году наш книжный стал волшебным! – На мгновение воодушевление работой отвлекает меня от мыслей о нем. Это такое потрясающее место. Я мечтала работать здесь.

Когда я наконец выхожу на улицу и за моей спиной в звуках песни *Cosa mi manchi a fare* растворяется голос Калькутты, мне кажется, что да, я та еще зануда. Но я не всегда была такой. Я изменилась, стала жестче. И хотя у меня есть лю-

бимая работа, жизнь подготовила мне немало ударов. Я так страдала, что дошла до мысли, что, возможно...

Возможно, я не заслуживаю любви.

Возможно, некоторые вещи предопределены с самого рождения.

И моя судьба, я в этом уверена, не в том, чтобы быть любимой.

Иронично, что всю жизнь я мечтала только об этом.

Мне тридцать пять, но в данный момент я чувствую себя на много, много лет старше. Я падала. Вставала. И потом снова падала. И снова поднималась. В конце концов я стала еще более закрытой, чем была прежде: чтобы защититься от вещей, которые причиняют боль. Я серьезный человек, надежный сотрудник, руководитель, всегда открытый для своих коллег. И верный друг.

Стены, которые я строила вокруг себя годами, казались мне несокрушимыми. Я редко позволяла себе расслабиться. Я всегда устанавливала границы с мужчинами. Потом появился Алессандро. И только он сумел найти трещинку. Проникнуть сквозь сталь моей брони, которой я была защищена и из-за которой выглядывала в мир, чувствуя себя в безопасности. С ним рухнули все мои защиты. С ним я открылась, ему я рассказала о каждом своем страхе, обо всех прошлых страданиях, о том, что ранило меня, что оставило шрамы. И когда сейчас он причиняет мне боль, мне кажется, что – хоть я и пытаюсь сопротивляться и всеми способами

защищаться, стараюсь не упасть, стараюсь вообще больше никогда не падать, – кажется, что я уже просто не способна защищаться. С ним, только с ним, я чувствую себя безоружной. Уязвимой. Беззащитной.

– Привет! – окликает меня знакомый голос с тосканским акцентом.

– О, Эудженио, привет, как дела!

Эудженио работает в банке, в местном отделении, но страстно увлечен писательством. Он живет здесь, в Риме, уже много лет, но родился и вырос во Флоренции, прекрасном городе, который я хорошо знаю. Он пишет детективы, которые, я уверена, рано или поздно опубликует, он всеядный читатель и практически друг. Он входит в группу людей, которые всегда участвуют в мероприятиях в книжном магазине и с которыми у меня сложились тесные, почти дружеские отношения. Думаю, я ему небезразлична. Эудженио объективно очень привлекательный молодой человек. Основатель книжного клуба при магазине. Весьма активного клуба. Мы читаем по одной книге в месяц, но иногда успеваем обсудить и две. У нас появилась традиция после каждой презентации ужинать всем вместе. Компания собирается довольно разношерстная. Я, он, Джованна, актриса любительского театра, которой мы почти всегда доверяем чтение вслух и которая работает продавцом в супермаркете напротив книжного, и Алессандра, пианистка, которая обыч-

но аккомпанирует Джованне. Мне удалось достать электрическое пианино для магазина, было не так-то просто получить одобрение расходов от руководства, но в конце концов я настояла на своем, и оно того стоило. Потом, у нас есть Артуро, небольшой местный издатель, публикующий поэтические сборники и короткие рассказы. И Ноэми, студентка-дипломница архитектурного факультета, увлеченная фотографией, теперь официальный фотограф на презентациях. Именно ее снимки мы потом публикуем в наших соцсетях. Все эти люди – особенные, простые, настоящие. Часто они помогают мне от чистого сердца, не прося ничего взамен. Алессандро всегда с нами уже три года. Он активно участвует в мероприятиях, всегда очень воодушевлен, со всеми подружился, даже с Эудженио, к которому, однако, в последнее время стал очень ревновать. Но когда они вместе, он общается с ним так, словно обожает его, словно они лучшие друзья. Я знаю, это может показаться странным, но иногда у меня такое чувство, что он хочет его соблазнить. И его тоже. В дополнение ко всем остальным...

– У меня все хорошо. А ты что, уходишь? Не хочешь кофе?

– К сожалению, не могу, извини, у меня обед с подругой, и я уже опаздываю! – я лгу, сама точно не зная почему. Боюсь, причина в некоем чувстве уважения к Алессандро, который, конечно, никогда напрямую ничего не запрещает, но все же умудряется меня ограничивать. И частенько методами, ко-

которые меня ранят. Заставлять меня чувствовать себя виноватой, при этом никогда не говоря ничего в лоб, – это подло. Сегодня я не готова вести себя уважительно, напротив, я хочу быть одной из тех женщин, которые мстят. Без пощады. Но я не такая. И даже если в кофе с Эудженио нет ничего плохого, я предпочитаю перестраховаться. И это злит меня. Алессандро сам исчез несколько дней назад, а я беспокоюсь о том, что он может подумать...

– А, обычное невезение, – говорит он, показывая мне язык. Какая у него милая улыбка! Я тоже смеюсь. – Ладно, пойду куплю новый роман Мандзини. Может, найду внутри твою записочку.

– Молодец. Это бомба, я проглотила на одном дыхании! Но никакой записочки, ты же знаешь, они персонализированные! До скорого! – и я убегаю.

Время от времени, без какой-то закономерности, я прошу покупателя рассказать мне что-нибудь из своей жизни, особенно когда чувствую, что ему этого хочется. Я интуитивно умею определять, когда стоит так сделать. Я спрашиваю, что человек ищет, какое у него настроение, и на основе ответов рекомендую книгу, внутрь которой вкладываю записку с персонализированной фразой. Обычно это совет, ободрение или короткая цитата из самой книги. Мне нравится проявлять эмпатию, делиться с клиентами красотой книг, нравится, когда они чувствуют себя обласканными. И нравится создавать особую связь с ними. Последнюю записку я написа-

ла сегодня утром покупателю, который признался мне, что не находит смелости признаться подруге, в которую влюблен много лет. Я порекомендовала ему «Большие надежды» Диккенса. В записке я написала: «Позвони ей!». Возможно, подсознательно я хотела бы написать это Алессандро...

Я вернулась с короткого обеденного перерыва, и день продолжился в том же бешеном ритме. Вместе с Тицианой я готовлю рождественские украшения, отвечаю на запросы клиентов, заменяю коллегу на кассе, проверяю книги, прибывшие сегодня утром. К концу смены я буквально измотана. Но я знаю, что самая тяжелая усталость – не физическая, а ментальная. Я чувствую боль в затылке, там, где сводит мышцы, когда я нервничаю. Когда я напрягаюсь. Когда думаю, думаю, но не могу найти решение. Потому что оно не зависит от меня и моей воли. От моих усилий. И у меня начинает раскалываться голова. И я чувствую тяжесть в груди.

Сидя в вагоне метро по дороге домой и слушая *Che colpa ne ho* в исполнении Коэц и Фра Квинтале, я в отчаянии спрашиваю себя: а что, если вся эта история живет только в моей голове? Может быть, то, что было между нами, – лишь плод моего воображения, а все твои слова о чувствах ко мне – выдумка.

Мне хотелось бы верить, что между нами все будет прекрасно, что все наладится, что ты станешь другим. Думать, что не зря я подарила тебе свою жизнь. Что оно того стоило.

Что ты будешь любить меня так же, как люблю тебя я. Но правда в том, что я чувствую: так не будет. Некоторые вещи очевидны с самого начала, но мы рассказываем себе сказки, создаем параллельную реальность, которой на самом деле не существует, чтобы чувствовать себя менее глупыми, менее одинокими, чтобы убедить себя, что все нами отданное в конечном итоге вернется.

Мне бы хотелось верить, что эта пустота внутри меня когда-нибудь заполнится. И я больше не буду невидимой.

2. Со всей яростью говорю тебе, что ненавижу. Со всей яростью кричу тебе лишь одно: люблю

Дневник Анны

Милан, 1 сентября

Меня зовут Анна, и это мой дневник.

Я всегда мечтала завести его, с самого детства.

А сейчас я чувствую, что он мне очень нужен.

Сюда, на эти страницы, я изолью весь свой яд.

И еще то хорошее, которого так немного в моей жизни.

Меня зовут Анна, мне двадцать два года, и сейчас в моей комнате слишком громко играет музыка. Слишком громко для такого позднего часа. Мои две соседки по квартире наверняка ненавидят меня за это.

Меня зовут Анна, и моя жизнь не всегда такая, какой я хочу ее видеть. Более того, иногда она просто отвратительна.

Я потеряла голову от Франческо, парня, который на три года старше меня, изучает медицину и подрабатывает диджеем в клубах.

Я давно не испытывала таких чувств.

Я молода, но уже настрадалась.

Я уже неоднократно разочаровалась в любви.

Двое парней разбили мне сердце с разницей в два года.

И мне было больно.

Очень больно.

Так больно, что я пыталась заполнить эту пустоту безудержным обжорством.

Так больно, что я возненавидела свое тело, став булимичкой. Так больно, что потом почти совсем перестала есть. Так больно, что оказалась в одном шаге от анорексии.

Некоторые расстройства до сих пор не исчезли полностью.

Но вот я опять чувствую в сердце эту удивительную вещь. От которой я не хочу отказываться. Но я не знаю, чем все обернется...

Мы с Франчи встречаемся уже три месяца.

Я по уши в него влюблена.

Он тоже говорит, что я ему не безразлична.

Но по-своему.

Потому что часто он обращается со мной отвратительно.

Бросает меня.

Возвращается.

Забывает обо мне.

Приходит и уходит.

Он не знает, чего хочет.

Он запутался и непредсказуем.

И все это разрушает меня.

У Франчи внутри целая вселенная, но бывает, что он меня

туда не пускает. А иногда, наоборот, кажется, что мы рождены друг для друга.

Я бы хотела, чтобы он раскрылся.

Я бы хотела, чтобы он доверял мне.

Я бы хотела, чтобы он понимал меня.

Я бы хотела, чтобы он был уверен в том, чего хочет.

Хотя, возможно, именно эта его неуловимость притягивает меня и интригует. Заставляет чувствовать себя живой. А потом убивает...

Как было бы здорово, если бы он хотел только меня.

Я люблю его. Я так сильно его люблю!

Я никогда ему этого не говорила, чтобы не спугнуть. Я его знаю, он бы до смерти испугался.

Меня зовут Анна, и я родилась в Таурианове, маленьком городке в провинции Реджо-Калабрия.

Я учусь на третьем курсе экономики в Боккони.

Милан – прекрасный город, полный жизни и возможностей. Полный энергии и веселья. Здесь все начинается, все случается, все возможно и все умопомрачительно. Проблема во мне. Во мне, которая иногда чувствует себя очень маленькой, повсюду не в своей тарелке; я всегда чужая в этом мире, который, кажется, никогда не смогу понять и ухватить.

Мои однокурсники знают, чего хотят от жизни. Они уже видят свое будущее. Они знают, кем хотят стать. И где.

Я – нет.

Или, может, никогда и не знала.

Я чувствую себя в клетке.

Запертой в жизни, которая нравится больше моим родителям, чем мне, жизни, которую выбрали они и которую, я думала, смогу принять, переварить, убежденная, что постепенно она мне понравится, но этого не случилось.

Я заперта в коробке без окошка, без щелочки, и ее стены, кажется, сжимаются с каждым днем все сильнее. Меня стискивает со всех сторон.

Легче стало только после знакомства с Франчи, хотя он умудрился в одно мгновение все испортить.

Меня зовут Анна, я не дрожу, кажусь спокойной, но я бы хотела поджечь весь мир, прямо сейчас. Я хочу выкричать все, что у меня внутри.

Я хочу, чтобы он был сейчас здесь, со мной, чтобы успокоил меня, взял за руку. Сказал мне, что больше не уйдет. Что останется навсегда. А его нет, уже три дня от него ни слуху ни духу.

Меня зовут Анна, и сейчас, вот именно сейчас, я осталась наедине со своей яростью, она пожирает меня, разъедает изнутри, пугает.

Блин! Почему все должно быть так сложно?

Если ты не понимаешь эту ярость, что пожирает меня, значит, ты не понимаешь любовь.

Эта ярость, что всегда со мной, что заставляет меня дрожать, – самое близкое к любви, что я знаю.

Эта ярость – крик о помощи.

Я яростно хочу, чтобы ты заметил меня.

Эта ярость означает, что я все еще верю.

Со всей яростью говорю тебе, что ненавижу.

Со всей яростью кричу тебе лишь одно: люблю.

Меня зовут Анна, и теперь вечером, перед сном, по моему лицу почти всегда течет слеза.

Как сейчас. Три часа ночи, будильник прозвенит в семь, а я здесь, плачу, сжимаю кулаки, пытаюсь отогнать прочь мысли, полные ярости, которая пожирает меня, и не знаю, как от нее избавиться.

3. Где я в твоей жизни?

Жизнь Клары

25 ноября

– Сегодня по телевизору я видел рекламу шампуня, и модель была твоя копия: длинные рыжие волосы, прекрасные и прямые, как у тебя, белая кожа и зеленые глаза! У нее даже были такие же веснушки! – И, не дав мне ответить, добавляет: – Ладно, нет, глаза были просто похожи, таких красивых, как у тебя, больше нет...

– Ты просто душка. Но ты необъективен! – отвечаю я на сообщение Паоло о моих глазах, а затем иронично добавляю: – И что, они выбрали модель с большой и немного дряблой задницей? – сопровождая это смайликом с высунутым языком.

– Ты сумасшедшая! Я не видел женщины сексуальнее тебя!

– Тогда ты слеп, мой друг...

– Расскажи, как дела.

– Так себе.

– Все еще никаких вестей?

– Нет.

– Эх, – пишет он, а затем добавляет: – Позвонить?

– Знаешь, сейчас нет настроения разговаривать.

– У него просто нет права так обращаться с твоей жизнью, Клара!

– Знаю... – и затем обрываю: – Ну, я пойду, потом созвонимся!

Глубокий голос Серджо Эндриго поет *Io che amo solo te*. Какие щемящие и неповторимые звуки! Я часто прямо чувствую себя женщиной из шестидесятых. В руках у меня горячая кружка с черным чаем. Я делаю глоток и ставлю ее. Смотрю на нее. Это керамика из Вьетри. Ручная роспись. Подарок моего отца. Вообще-то, она принадлежала моей бабушке, я сама ее выпросила, так что не знаю, можно ли называть это подарком. Этой кружке лет шестьдесят. Я очень к ней привязана. Узоры так прекрасны, я каждый раз смотрю на них как зачарованная!

Я мечтаю увидеть Вьетри с самого детства, но почему-то всегда думала, что должна поехать туда с особенным человеком. Я говорила бабушке, что я и мой принц отправимся туда на белом коне. Может, потому что я всегда представляла себе это место как невероятно романтическое. Этим принцем должен был стать Алессандро. Он мне обещал...

Это должен был быть мой выходной, день, целиком посвященный мне. А вместо этого я до сих пор расхаживаю в красной флисовой пижаме и тоскую. Я обещала себе переделать кучу дел: сходить в спортзал, проверить, что там по-

стукивает в моем «Фиате-500» – не хотелось бы остаться без колес, машина старая, но в отличном состоянии, и я очень к ней привязана. Еще хотела сходить к парикмахеру и купить новый лоток для Луны, моей прекрасной черной кошки, которая уже час наблюдает за мной с книжной полки, не двигаясь и не издавая ни звука. Она беспокоится обо мне. И так это мне показывает. Бдит. Нежно смотрит на меня издалека. В общем, из всего, что я собиралась сделать, я не сделала ничего. Единственное, чего мне по-настоящему хочется сейчас, – это поехать во Фреджене, приморский городок в полчасе езды от Рима. Мое самое любимое место, когда мне грустно или тоскливо. Место, куда я еду, чтобы побыть наедине с собой, подышать морским воздухом, посмотреть на море... Но сегодня очень холодно, и к тому же лень моя так сильна, что побеждает все. Я свернулась калачиком на диване, по телевизору идет криминальный сериал, который я не особо смотрю, мои глаза глядят на экран, а сердце – в другом месте. Я – в другом месте. В месте еще более холодном. Ледяном. Полном ветра.

Комплимент, который Паоло сделал моим глазам, заставил меня подумать об Алессандро; само собой, ведь мало что не заставляет меня думать о нем... Именно мои глаза поразили его, когда мы впервые встретились.

– Когда наши взгляды встретились, я сразу обратил внимание. Я никогда не видел ничего подобного, казалось, что внезапно все в книжном осветилось новым светом, – сказал

он мне как-то. — Твои глаза такие большие, такие невероятно красивые и выразительные! А цвет... До тебя я даже не знал такого оттенка зеленого, мне нужно было встретить тебя, чтобы открыть его для себя.

Я выключаю телевизор и сажусь. Когда мои ступни касаются старого паркета, я слышу легкий скрип, в тишине он звучит отчетливо и кажется привычным, как мои собственные недостатки. Вибрации, пытающиеся смягчить удары. Скомпенсировать их.

Я встаю и подхожу к окну в гостиной, слегка раздвигаю занавески и смотрю наружу. Двое детей играют в мяч на улице, куда выходят мои окна. Это довольно тихий переулок на окраине всегда бодрого и полного энергии студенческого района.

Небо черное. Я думаю, ничто не описывает мое состояние лучше, чем это черное небо, в данный момент. Я подношу запястье к носу и вдыхаю следы духов, которые я надела вчера, в них есть нотки дерева и табака, они немного пряные, я ношу их, только когда мне грустно. А вчера мне было грустно. И сегодня тоже. Очень грустно. Это единственные духи, которыми я пользуюсь, даже когда не выхожу из дома. Мне хочется плакать, хочется взорваться рыданиями и высвободить всю накопившуюся боль, как вот-вот это сделает небо, но я не плачу. Я больше не плачу. Уже много лет.

Я предпочитаю писать.

Сколько раз ты воспринимал меня как должное?

Сколько раз я просила тебя взять меня за руку, потому что мне это было нужно? Чтобы пройти часть пути вместе. Чтобы чувствовать себя менее одинокой. Потому что иногда я все еще боюсь темноты. Потому что иногда мне страшно, что в нашей истории осталась только я.

Сколько раз я просила тебя дать мне почувствовать, хотя бы на мгновение, что я центр твоей вселенной?

Сколько раз ты видел, как я падаю, и, глядя на мое падение, равнодушно улыбался?

Отворачиваясь, как ни в чем не бывало.

Уже одиннадцать часов, а я и не заметила.

На телефоне пропущенные звонки, уведомления о сообщениях и письмах.

Звонили и Паоло, и Мартина. Они такие милые, никогда не оставляют меня одну, когда знают, что мне грустно. А ведь я почти перестала верить в искреннюю, настоящую дружбу...

Еще мне пишут коллеги, рассказывают, как идут дела в книжном. Обычно в такой ноябрьский день я бы сама уже несколько раз им позвонила чтобы убедиться, что нет проблем и все гладко. Возможно, даже заглянула бы, несмотря на выходной. Но сегодня у меня совсем нет настроения. И я ограничиваюсь чтением их успокаивающих сообщений. Никакие срочные дела не требуют моего вмешательства.

Среди сообщений есть одно и от Эудженио. Он спрашива-

ет, будет ли в декабре встречаться читательская группа, а затем приглашает меня на выставку французского фотографа в Кьюстро дель Браманте, на которую у него два билета. Еще пишет, что хотел бы показать мне танцевальное представление одной маленькой труппы, которая сейчас в Риме. Я обожаю танцы. Во Флоренции я занималась танцами, это было прекрасно, я чувствовала себя хорошо, пребывала в гармонии с собой, а потом, после переезда в Рим, новая должность директора и отношения с Алессандро не оставили мне времени для постоянных занятий; хорошо, если удастся выкроить часок-другой на спортзал между делами. Но танцы дарили мне такую свободу! Рано или поздно надо возобновить занятия. Иногда дома, когда мне слишком грустно или слишком весело, я ловлю себя на том, что танцую одна, прямо на кровати или посреди кухни, пока готовлю завтрак.

Мне вспоминается последняя ссора с Алессандро: она была как раз из-за Эудженио и ревности к нему. Бессмысленной ревности, потому что я никогда не давала повода сомневаться. Тогда только закончилась презентация, в которой мы участвовали всей группой. Ему надо было домой, а мы собирались пойти поужинать – Алессандро редко удается поужинать вне дома, он предпочитает не делать этого из-за детей и чтобы избежать ссор с женой. Но иногда он все-таки остается, а потом выкладывает различные групповые фото, снятые до, во время и после презентации, будто так все сразу становится чистым, прозрачным, честным...

В общем, в тот вечер его раздражал мой наряд, по его мнению, слишком вызывающий для подобных событий. Критика прозвучала исподтишка, его слова – как он объяснил – были лишь попыткой защитить меня от суждений других. Он не оскорблял меня прямо, но длинными околичностями намекал, будто бы я хочу, чтобы мной увлекались. В данном случае – Эудженио. Он делал так не в первый раз. И я опять почувствовала себя неправильной и не на своем месте. Как будто я любой ценой хочу привлечь внимание мужчин и мне за это должно быть стыдно.

– Ты женщина культурная и элегантная, – сказал он мне, – ты не заслуживаешь, чтобы о тебе плохо говорили! А я говорю это только потому, что люблю тебя и хочу защитить!

В конце концов, я даже поблагодарила его. Проклиная свой наряд.

Я уставилась на экран.

От Алессандро все еще ни слова.

Прошло три года с нашей первой встречи.

Я вспоминаю, как бежала к нему.

Как ждала.

Все те случаи, когда я могла сбежать, но осталась.

И пока Gazzelle поет Flavio, я снова пишу, чтобы излить душу.

Пусто.

Я чувствую себя пустой.

Во мне больше ничего нет.

Сердце, душа, эмоции... Все исчезло.

Теперь я – тело, которое больше ничего не чувствует.

Я отдала все тебе.

А ты исчез, не оставив мне ничего.

Я – плоть без капли эмоций.

Я – отсутствующий взгляд.

Я вычерпана досуха.

Раздета догола.

Во мне больше нет любви.

Больше ничего нет.

Я пуста.

Я думаю о том, как это могло случиться.

Впрочем, я сама согласилась на отношения с женатым мужчиной и должна была быть готовой к такой боли. Возможно, я ее заслужила.

Не говоря уже о том, что я всегда чувствовала себя виноватой перед его женой, хотя и не была знакома с ней. Но также верно и то, что он говорил о ней вполне определенным образом. Он все убеждал меня, с первого дня, что они живут в одном доме, но как будто раздельно. Что между ними больше ничего нет, что он давно ее не любит и что, возможно, даже никогда не любил. Он рассказывал, что они не спят друг с другом уже несколько лет, а теперь и вовсе разошлись по разным комнатам. А когда они ездят в отпуск – исклю-

чительно ради детей, – он уверяет, что они всегда берут два номера: один для нее и ребят, другой только для него.

Он говорит, что они все еще вместе только потому, что она сразу переходит к угрозам, как только он пытается поднять этот вопрос, а также из-за его семьи, которая по многим причинам (с виду – абсурдным) не поймет и никогда не примет их развод. И в первую очередь – из-за детей. В общем, брак для видимости. Для других. Ради детей. Может, немного из-за выгоды. Но не потому, что он просто так хочет.

Он говорит, что попал в ловушку, потому что его работа – он организует мероприятия, в основном связанные со сбором средств на благотворительные инициативы, – сильно зависит от связей, которые он выстроил за годы благодаря своим родителям и друзьям жены, наследницы могущественной римской семьи застройщиков, с которой родители Алессандро, производители и поставщики строительных материалов, имеют важные общие интересы. Более того, у меня всегда было четкое ощущение, что родители – и он сам подтвердил мне это однажды вечером, с разочарованием и сожалением, – в некотором роде использовали его внешность и умение подать себя для создания новых полезных контактов и построения отношений, а в случае его брака – для рывка вперед благодаря новым связям. Семья Але, теперь состоятельная, имеет очень скромное происхождение, его дедушка и бабушка были из маленькой деревушки в Молизе, и для них социальный взлет, завоевание столицы всегда являлись

смыслом жизни. Это неизменно поражало и впечатляло меня – этот их мир и его динамика, их образ мышления, которые так далеки от меня, от моей реальности, от моих ценностей...

В общем, за эти три года я по крайней мере трижды ставила его перед выбором, угрожая положить конец нашей истории, если он не примет решение. Я всегда говорила ему, что не буду осуждать, если он выберет остаться с ней, ради детей или даже просто из страха. Я не стала бы осуждать его, даже если бы он остался с ней только ради выгоды. Единственное, о чем я его просила, – это быть честным и сказать мне четко, как обстоят дела. Не оставлять меня в неопределенности. Не запирать в ловушке. Тем более что, как бы сильно он ни настаивал, что они живут раздельно в одном доме, ситуация оставалась мутной. А мне нужны ясность и честность.

Во всех трех случаях его ответ на мои ультиматумы был туманным и неубедительным и должен был бы заставить меня все прекратить. Я надеялась спровоцировать реакцию, встряхнуть его и помочь принять решение. Выбрать меня, наконец. Может, из страха потерять. Как же я боялась его потерять! Но нет, этой реакции никогда не было. Взрыва чувств, как я надеялась, не произошло. И каждый раз я впадала в панику, оказывалась в ужасном эмоциональном состоянии. Я теряла килограммы, набирала килограммы, изводилась и чувствовала себя одинокой, невероятно одинокой. Отвергнутой. Незначительной. Потерянной. Забытой.

Мне казалось, я не смогу жить без него. Не смогу улыбаться. Не смогу дышать. Мир больше не имел никакого смысла. И каждый раз, когда я просила его исчезнуть, если он не способен принять решение, если не готов выбрать меня, каждый раз он появлялся снова и снова и разными способами, всегда довольно туманными, давал о себе знать. Он просматривал и комментировал мои сториз, но никогда не высказывался прямо, никогда не говорил ничего четко; он отправлял письма на электронный адрес книжного, который, как он хорошо знал, проверяю только я. Письма, в которых просил заказать книги, которые, по-видимому, нигде было больше не найти. Это всегда были какие-то издания, связанные с нашей историей, руководства о том, как быстрее найти свое счастье, о мужестве снова любить и так далее. Или же он находил способ передать мне сообщения через общих друзей из книжного клуба (которые делают вид, что ничего не знают и не видят, но, по-моему, все понимают). Короче, каждый раз ему удавалось снова проникнуть в мои мысли, не принимая это чертово решение. Все три раза я уступала. Возвращалась. Потому что, когда я рвала с ним, прося или выбрать меня, или исчезнуть, он не сопротивлялся. Говорил, что любит меня до безумия, что убит горем и в отчаянии, но все понимает. Он осознавал, что я права, что несправедливо запирает меня в клетку, несмотря на огромное и глубокое чувство, которое он ко мне испытывает. Он продолжал говорить, что оставил бы жену, конечно, в его планах было снова

начать жить, и он сделал бы это и для меня, и для себя, потому что это правильно, потому что он несчастен в этой ситуации, потому что не любит ее, может, никогда и не любил, но меня – да, да, любит! Только вот ему нужно еще немного времени. И найти в себе силы. И еще нужна поддержка. Настолько нужна, что он решил пойти к психологу, чтобы тот помог ему вернуть себе свободу и возможность свободно любить. Настолько нужна, что часто по собственной инициативе он принимает успокоительное, чтобы справиться с разрушающей его душевной болью. Но также он говорил, что, если у меня больше нет желания или сил ждать, оставаться рядом с ним, что ж, он понимает, принимает, хотя и с тяжелым сердцем, и что он меньше всего хотел бы причинять мне боль, когда его единственное желание – защищать меня и видеть меня счастливой... И тогда я, дура, охваченная чувством вины и этой безграничной, необъяснимой, проклятой любовью, возвращалась, возвращалась к нему, чтобы попробовать еще раз. Я даже начинала сожалеть, что не оказала ему поддержки, не сказала, что я с ним и всегда буду с ним. Чтобы протянуть ему руку, крепко сжать ее, пообещав, что никогда не отпущу. Чтобы быть рядом, пока он переживает эту бурю, которая разрывает его на части, но которая, как я думала, однажды сделает его свободным и счастливым. Свободным выбрать меня. Счастливым со мной.

А если бы я не вернулась все три раза после его попыток сблизиться? Если бы я не уступила? Я всегда задаю себе этот

вопрос. Может, все закончилось бы уже давно. И я освободилась бы от этого кошмара. А он? Вероятно, он до сих пор жил бы с женой, отдельно, но в одном доме, в этой позолоченной клетке, притворяясь отцом счастливого семейства в глазах их лицемерного мира. Или, может – и мне страшно об этом думать, – он бы уже делал с другой то, что делает со мной. Потому что я не могу выбросить из головы сомнение, что я всего лишь одна из множества, что я просто развлечение, утех. И я спрашиваю себя: если я так думаю, если я понимаю, что все им сказанное – неправда, если я чувствую это своей кожей, с самого начала, почему я все еще здесь, как несчастная собака? Почему разрушаю себя? Что я здесь делаю, внутри этой истории, которая изводит меня изо дня в день? Почему я здесь, на этом диване, держу в руке ручку, которая дрожит, царапает бумагу и кровоточит?

Я чувствую себя глупой.

Ты молодец, знаешь? Я не думала, что смогу снова довериться кому-то так, как доверилась тебе, не думала, что смогу снова так раскрыться, не возводя стен или барьеров. Но у тебя получилось.

Теперь я чувствую себя глупой.

Ты заставил меня влюбиться, ты был именно тем, кого я желала, о ком мечтала. Ты будто знал, что мне нужно. Будто видел все мои уязвимые места. Будто у тебя была карта моих слабостей. Глупой, я чувствую себя такой глупой, поскольку думала, будто все это правда, будто ты был искренен.

Ты заглянул в мою пустоту и заставил меня поверить, что хочешь подарить мне все, что нужно, чтобы заполнить ее.

Ты проник в каждую трещинку моей брони, которую я носила, чтобы больше не страдать. Ты делал это медленно. Терпеливо. Как будто это была твоя работа. Все казалось таким настоящим!

Ты знал о моем прошлом. Я рассказывала тебе. Ты знал о боли. О дыре в моем сердце. О безграничной потребности в любви. Ты знал все обо мне. Я рассказала тебе каждую деталь. Ты проник туда, куда никто другой никогда не добирался.

И ты использовал все, что я тебе доверила, чтобы обмануть меня, чтобы я втянулась в твою грязную игру.

Ты пообещал мне все, о чем я мечтала. Внимание. Ребенка. Семью. Свадьбу на пляже. Нас двоих в белом. Бесконечные закаты над морем. Что ты поймешь меня. Познаешь. Выслушаешь. Но прежде всего ты пообещал мне любовь, любовь. Искреннюю любовь. Чистую любовь. Настоящую любовь. Ту, что я испытывала к тебе.

Вот поэтому.

Вот поэтому сейчас я чувствую себя такой глупой...

У меня были плохие предчувствия с первой минуты. Но я решила не слушать их, а следовать за сердцем и его ритмом. Голова часто все знает, но сердце ничего видеть не хочет. Несмотря на то, что иногда это было нечто большее, чем

просто предчувствия...

Помню, как я узнала, что до меня в его жизни была другая женщина, помимо его жены. Это было первым настоящим землетрясением в наших безумных отношениях. Первым ударом ножом в спину. Она работала психологом и была настолько проработанной и уравновешенной, что однажды в истерике пришла искать меня в книжном. Она продемонстрировала мне доказательства их отношений на своем телефоне. Неопровержимые доказательства. Сообщения. Эротические и романтические. Ужасно похожие на те, что он присылает мне. Она вывалила на меня всю их историю, предупредила не доверять его ангельскому лицу, рассказала такие леденящие душу вещи, что они казались абсурдными. Она говорила, а я стояла в шоке. Дошла и до интимных подробностей. До его фантазий. До его предпочтений в занятиях любовью. Где они это делали. Это было отвратительно. Он лгал ей все время, пока они были вместе. Она обнаружила, что у него две, три, сто масок, и больше не хотела иметь ничего общего с таким подлым изменником, как он. И вот несколько дней назад он опять разыскал ее под предлогом рабочего вопроса, маркетинговой кампании для благотворительной ассоциации, для которой он организовывал мероприятия и сбор средств. Как раз в те дни мы расстались, примерно за неделю до ее визита ко мне, из-за одного из моих ультиматумов, первого, который затем повис в воздухе. Мы были вместе примерно полгода. Она также показала мне

сообщения, доказывающие, что в первый месяц наших отношений они все еще переписывались. Это были интимные слова. Нежные. Я бы сказала, любовные. Когда она ушла, у меня дрожали ноги. Помню, я в потрясении села на диванчик для клиентов в читальном уголке в глубине книжного, чтобы спрятаться от коллег. Мне казалось, я не могу дышать. Я обливалась холодным потом и чувствовала неестественное покалывание в руках. Потом ком в горле, бешеное сердцебиение. Это было ужасно. Первая паническая атака. Я думала, что умираю. Что у меня сердечный приступ. Что я задохнусь. То, что это была всего лишь паническая атака, я обнаружила несколькими днями позже, когда начала ходить к психотерапевту. Вот такой подарок он мне сделал. Но в глубине души я благодарна ему за это, потому что в терапии я давно нуждалась. Именно благодаря еженедельным сеансам я смогла держаться на плаву.

Вскоре после этого я написала ему, все еще потрясенная, чтобы сообщить, что ко мне приходила та женщина и рассказала все детали. Он отреагировал так, как обычно реагирует, когда его припирают к стене, то есть исчез, растворился. Сначала ответил холодно, настолько ледяным тоном, что этот холод пронзил меня насквозь да так никогда и не ушел полностью. Затем, несколько дней спустя, он появился снова, извиняясь, говоря, что исчез, потому что был шокирован и напуган. Впрочем, он не отрицал, что у них были отношения. Они несколько лет работали вместе над одним бла-

готворительным проектом, связанным с психическим здоровьем. Проектом, который все еще был активен в то время и о котором он даже рассказывал мне, потому что организовывал мероприятие по сбору средств для привлечения внимания общественности к данной теме. Я также помню, что в вечер мероприятия он прислал мне кучу фотографий. И впервые написал, что мечтает о будущем со мной. О семье. О свадьбе, скорее всего на пляже. О ребенке. Он сказал, что не рассказывал мне о той истории, потому что все еще сожалеет о произошедшем и хотел бы все забыть. Она оказалась очень неуравновешенным человеком. Он назвал ее *сумасшедшей, самовлюбленной, коварной*. Гнилой внутри. Я хорошо это помню, потому что меня тогда очень удивили такие сильные слова. Он сказал, что она была настолько одержима им, что стала опасной. Он даже боялся за себя. И за своих детей. Она даже пустилась на шантаж – сказал он, – угрожая все рассказать его жене, чтобы он навсегда потерял детей и всю свою жизнь. По этой причине – клялся он мне, – особенно в последнее время, он хоть уже и был со мной, но потакал ей, говоря все, что она хотела услышать, включая нежные и очень романтические вещи, с целью держать ее «в узде», чтобы затем постепенно отдалиться. Помню, что когда он рассказывал об этом, то потел, дрожал, прерывисто дышал. Казался действительно напуганным. Он признался, что думал, будто влюблен в нее, по крайней мере вначале, но вскоре понял, что на самом деле это не любовь, а нездоровое

чувство зависимости, связанное с его эмоциональной хрупкостью, с желанием сбежать из клетки своего брака. С путаницей в его голове. В конце концов я поверила ему, потому что в его признании действительно был смысл. Или, может, я бессознательно хотела, чтобы он был. И потом, та женщина действительно была переполнена ненавистью. А он вправду был хорошим, щедрым человеком, запертым в клетке, которую больше не чувствовал своей. И да, очень хрупким. Однако смутное недоумение осталось. Зачем же он тогда снова связался с ней, если все было так, как он говорит? Но сердце всегда побеждало.

Та женщина узнала обо мне и моем присутствии в жизни Алессандро из соцсетей. Впрочем, и жена, насколько я поняла, знает, что мы друзья, что познакомились в книжном и что нас объединяет страсть к книгам, чтению, презентациям. Может показаться странным, почти абсурдным, но, с тех пор как мы познакомились, он выложил кучу фотографий, где есть я и другие люди из книжного круга, комментируя их высокопарными фразами о важности друзей, о том, как они драгоценны. И о том, насколько фундаментально чтение в его жизни. Часто он заимствовал слова поэтов, романистов и философов. Я в этой группе – *книготорговка, которая дарит эмоции в форме историй и записок, спрятанных в книгах*. Другие – Артуро, Алессандра, Эудженио и Ноэми – *издатель красоты, прекрасная душа с голосом, который трогает тонкие струны сердца, перо, умеющее быть волшеб-*

ным и загадочным, блестящая молодая женщина, которая рассказывает нам о жизни своими зачаровывающими снимками, и так далее... Всех их он узнал благодаря мне, благодаря книжному магазину. Это простые люди, далекие от его мира роскоши, богатства и привилегий – как, впрочем, и я, – которые обожают его за доброту, за элегантность, за великодушие.

За прошедшие годы многие поняли, что между нами есть нечто большее, – из-за тех постов или часто видя нас вместе. Потому что на фото мы всегда рядом, очень близко. И его слова, когда он обращается ко мне, всегда звучат особенно. И наши взгляды интимны и исполнены понимания. Я уверена, что даже жена должна была что-то заподозрить; я бы на ее месте заподозрила. И мне кажется непостижимым, что она может все это принимать, делать вид, что не замечает. Отворачиваться, лишь бы не рассказывать миру, что их брак давно закончился. К тому же то, что Алессандро без колебаний публикует наши с ним фото, хотя и связанные всегда с групповыми мероприятиями, не раз заставляло меня думать, что он почти хочет, чтобы его раскрыли. Что у него действительно есть желание окончательно разорвать свои оковы и прибежать ко мне. Но потом я каждый раз оказываюсь в одной и той же точке: стою и смотрю на это черное небо, которое напоминает мне мое сердце. Подсматриваю в глазок за его жизнью, ненавидя любой момент его счастья, в котором нет меня. Я оказываюсь здесь, перечитывая наши разговоры.

Снова и снова переслушивая его голосовые сообщения. Те, где он говорит, что любит меня. Те, где он говорит, что я для него – все, и он не желает ничего, кроме как провести со мной остаток жизни. Те, что он присылал мне после наших свиданий и занятий любовью. Те, что я получала в первые месяцы, когда мы всегда встречались в отелях в центре города, чтобы он в случае необходимости мог срочно вернуться домой к детям. В то время мы проводили вместе долгие часы, занимаясь любовью, разговаривая, как будто внешний мир не имел никакого значения, как будто время остановилось и мы зависли в волшебной комнате отеля, погруженные в мечты, рассказывая друг другу о своих страхах, мирясь со своими монстрами. В той комнате, с двумя бокалами и бутылкой вальполичеллы, нашим любимым красным, после занятий любовью, после бесконечных поцелуев, мы ели свежие фрукты и цукаты, которые оба любим. А сейчас я здесь, одна, и мне больше не о чем мечтать и не за что поднять тост. Я стою с телефоном, полным его сообщений, и он кажется мне всего лишь воспоминанием, фикцией, а наша история – чем-то, во что поверила только я, блюдом, на которое я пустила всю свою жизнь, игрой, где ставки были максимально высоки и я поставила все, что у меня было. И поэтому проиграть могла только я.

Я приняла все это и многое другое, потому что всегда верила его глазам, его словам, чувству, что взрывается во мне

и полыхает неукротимым пожаром. Я никогда никого не любила так, как люблю его. И не думаю, что это возможно. Я знаю, что, если все закончится, а может, уже закончилось, я никогда никого больше так не полюблю. Я сделала все возможное, чтобы верить ему, чтобы доверять, боже, как я старалась! Но все закончится, я уверена, потому что каждый раз, когда мы вместе бежим к счастью, он, в одном шаге от его достижения, подставляет мне подножку.

Где я в твоей жизни?

Передо мной в списке важного идет так много всего, что я даже не знаю, какое место я занимаю.

Где я в твоей жизни?

Где я, если в разговорах со своими близкими ты не можешь говорить обо мне?

Где я, если каждую ночь, перед сном, ты не можешь вернуться и обнять меня?

Где я, если в моменты, когда мне плохо и страшно, ты не можешь держать меня за руку?

Где я в твоей жизни?

Нет меня в твоей жизни...

4. Чувство пустоты

Дневник Анны

Милан, 4 сентября

Я хочу, чтобы это чувство пустоты исчезло.

Весь этот холод, что я чувствую внутри.

Весь этот мрак и одиночество.

Я просто хочу, чтобы меня понимали.

Я хочу, чтобы кто-нибудь по-настоящему меня слышал, смотрел мне молча в глаза и без всяких вопросов видел, что творится у меня внутри.

Я хочу, чтобы кто-нибудь поинтересовался, как я себя чувствую, и действительно хотел бы это знать. Чтобы спросил, счастлива ли я. Хорошо ли складывается моя жизнь. Та ли это жизнь, о которой я мечтала.

Чтобы кто-нибудь, когда я плачу, молча садился рядом и обнимал меня.

Я хочу, чтобы чья-нибудь рука касалась моей, когда ночью я не могу уснуть.

Я хочу, чтобы кто-нибудь замечал меня.

Чтобы рядом кто-то был, и я бы при этом не чувствовала себя неправильной.

Я хочу, чтобы это чувство пустоты исчезло.

Меня только что стошнило.

Сразу после того, как я съела тарелку пасты.

Сразу после очередной ссоры с родителями.

Как будто мне мало этих качелей с Франчи.

Как будто мало этих книг, полных цифр, расчетов, формул и экономических стратегий, на которые мне наплевать.

Нет, всего этого, видимо, недостаточно, им надо еще взять и испортить мне жизнь.

Иногда я их ненавижу.

Да, иногда я ненавижу своих родителей.

Они хорошие люди, любят меня, я знаю, но они даже не пытаются меня понять.

Не пытаются просто быть рядом. Кажется, будто я не существую. Будто моих собственных желаний вовсе нет.

Они не имеют ни малейшего понятия о том, что я чувствую, ничего не понимают и только все портят.

Они никогда не замечали моей булимии, но зато отлично знают, какие экзамены я сдала и какие мне остались.

Они, блин, слепые!

Особенно мой отец!

Который ко всему прочему влияет и на мать, она его беззащитная жертва, и когда она меня не бесит, мне ее жаль!

Он хотел сына, это очевидно. И лучше бы он у него был! Тогда всем было бы хорошо, и он не мучил бы меня сейчас своими планами на будущее, частью которого я не хочу быть.

А моя мать... Моя мать... Ей я ничего не прощу, я вообще

от нее такого не ожидала. Я чувствую себя преданной. Я не прощу ей эту пассивность, это подчинение отцу. Она не согласна почти ни с одним его мнением, с его средневековыми убеждениями, его абсурдными и жалкими идеями об уважении и семейных ценностях. Она, рано потеряв своих родителей, была очень близка с моей бабушкой Марией, мамой папы, которая много говорила с ней о женской эмансипации. Она сама не приемлет подобный образ мыслей, но молчит, чтобы избежать конфликтов, «потому что мы семья», потому что, в конце концов, он все делает для моего же блага. Потому что хоть он и жесткий мужчина, но в глубине души любит меня... Да пошли вы оба к черту!

Бабушка Мария, наверное, переворачивается в гробу.

Зато вчера я виделась с Франческо, мы встречались у него дома. Его родителей не было. Мы занимались любовью, и это было чудесно. Я думаю, он самый красивый парень на свете. У него такие длинные волосы и большие глаза. Такие широкие плечи. Всегда наготове хорошая шутка. Такой взгляд, одновременно нежный и немного наглый, который я одновременно люблю и ненавижу, который возносит меня к звездам, а потом бросает вниз в пропасть. И его запах... Боже, я хотела бы утонуть в его запахе. Провести всю жизнь в его запахе. Когда он обнимает и крепко прижимает меня к себе, я чувствую себя в безопасности.

Мы никогда еще не делали этого так. Было прекрасно, в

основном потому, что я знаю — ему понравилось. Я знала, что он счастлив. Что он хотел меня. Я чувствовала себя желанной. Это сводит меня с ума. Потому что я хочу быть предметом его желаний. Я хочу, чтобы он любил меня так же, как люблю его я. Чтобы он всегда был со мной таким. Чтобы перестал метаться. Исчезать и появляться. Я хочу, чтобы он выбрал меня раз и навсегда.

Было так чудесно провести у него еще немного времени, слушая, как он играет какой-то рок на гитаре. Он научился играть сам, он самоучка, и я немного подшучивала над этим, а он подыгрывал мне, но на самом деле он для меня лучший гитарист в истории...

Недавно я кое-что прочитала в одной книге... Она была похожа просто на сборник мыслей, ее написала писательница, которая начинала в интернете, и я купила ее, потому что подписана на ее блог уже много лет. Книга лежит у меня на тумбочке вместе с другими, в основном романами — это мой любимый жанр. Но это скромное издание с размышлениями мне очень нравится, потому что я могу открыть его на любой странице и всегда найти фразу обо мне. Страница, которую я только что прочла, поразила меня настолько, что я решила переписать ее сюда:

Я желаю тебе любить себя.

Не дарить больше ни грамма любви тем, кто этого не заслуживает.

*Не все способны подняться до уровня твоих эмоций,
никогда не забывай об этом!*

Я желаю тебе нравиться себе.

Защищать свои чувства.

Ты уникальная.

Ты особенная.

*Никогда и никому не позволяй заставлять тебя
чувствовать себя неправильной!*

*Я желаю тебе улыбаться, когда другие будут
пытаться тебя обидеть, когда будут проецировать
свое несчастье на твою жизнь, чтобы их собственная
казалась им менее печальной.*

Потому что улыбка делает тебя сильной.

Делает тебя легкой.

Делает тебя непобедимой.

Потому что ты прекрасна, когда улыбаешься.

*Но теперь, когда я задумалась об этом, знаешь...
Когда ты плачешь, когда рыдаешь, возможно, ты
становишься еще красивее.*

Будь мужественной!

Иди и возьми все, что тебе нравится!

Попробуй!

*И даже если не получится, постарайся по пути
посмотреть как можно больше рассветов и закатов:
в них кроется весь аромат жизни и красоты, и ты
навсегда сохранишь их в своем сердце.*

Открывайся только тем, кто этого заслуживает.

*А чтобы понять, заслуживает ли тебя человек,
посмотри ему в глаза – и ты никогда не ошибешься!*

*Я желаю тебе искренних подруг и друзей.
Но знай, что и они могут предать тебя.
Не расстраивайся слишком сильно!
Я желаю тебе никогда не думать, что твое счастье
зависит от кого-то другого.*

*Твое счастье зависит только от тебя и от свободы,
которую ты сумеешь завоевать.*

Но ты уже свободна и счастлива.

Поэтому...

Будь свободной!

Будь счастливой!

Я бы хотела, чтобы это стало моей мантрой!

Скоро за мной заедет Барбара, моя лучшая подруга здесь, в Милане, как и Арианна с Дианой, но немного больше, потому что она такая же сумасшедшая, как я. Еще в этом списке должна была бы быть Анджела, когда-то именно она была моей лучшей подругой, но сейчас я даже не знаю, можно ли ее так назвать.

Барбара поедет со мной в заведение, где работает Франчи. Мне отчаянно нужен кто-то рядом, а она никогда не оставляет меня одну! Она изучает моду и дизайн в Институте Марангони. Она офигенная, и у нее безумный стиль.

Он сам попросил зайти к нему, я не навязывалась, я бы никогда так не поступила. И вот сегодня я пошла купить себе что-нибудь новенькое: узкие джинсы, которые на мне отлично сидят, черный топ с вырезом и черные же сапожки на

высоком каблуке. Когда я отправила фото из примерочной Барбаре, она сказала, что я выгляжу супер. Я хочу свести его с ума. Хочу, чтобы он видел только меня.

Я не хочу быть единственной в своем роде, я хочу быть единственной для тебя.

Я хочу, чтобы ты постоянно смотрел на меня.

Я хочу, чтобы ты рассказывал мне обо всем, что тебя пугает.

И чтобы ты всегда выбирал только меня.

Я хочу, чтобы ты видел меня.

Чтобы ты по-настоящему видел меня.

Я хочу, чтобы ты понимал меня.

Чтобы ты слышал меня.

Чтобы ты замечал, как сильно я тебя люблю.

Как много света в моих глазах, когда они ищут твои.

Как я улыбаюсь, когда ты говоришь со мной.

Как я трепещу, когда ты обнимаешь меня.

Хотя – вдумайся, какая ирония, – твои объятия – единственное место на свете, где мне никогда не бывает холодно.

Я дрожу оттого, что люблю тебя.

Я не хочу быть единственной в своем роде, я хочу быть единственной для тебя.

А теперь пойду собираться!

5. Если ты моя любовь, почему мне так плохо? Жизнь Клары

27 ноября

Больше всего меня злит, что теперь я больше никогда не смогу никому доверять.

Ты так хорошо сыграл свою роль, что теперь я ничему не верю.

Все казалось таким настоящим.

А оказалось – ложью.

Но мои чувства были реальными.

Как и моя боль сейчас.

Как эта пустота.

Как это ощущение потерянности, что поселилось у меня внутри.

Как уверенность, что я больше никогда никого не люблю.

Как эта тьма без возможности включить свет.

Как это желание, что я все еще испытываю к тебе и за которое мне стыдно.

Голова приказывает мне ненавидеть тебя, но я все еще люблю.

И это сейчас злит меня больше всего.

Мне кажется, что я никогда больше никого не

полюблю, потому что я буду продолжать любить тебя...

Я резко закрываю записную книжку и глубоко вздыхаю в ожидании кофе. Я быстро пообедала в баре недалеко от книжного, сев за столик у большого витражного окна, выходящего на улицу Виа делле Сетте Кьезе. Мне нравится Гарбателла. Потому что это народный, живой район, полный позитивной энергии. Его дворики – почти сюрреалистичные микрокосмы. Мне нравится заглядывать в них во время обеденного перерыва или когда я вечером выхожу из книжного. Нравится рассматривать палисадники, скрытые от посторонних глаз и полные поэзии. Все здесь кажется мне настоящим, нетуристическим. По улицам ходят люди, которые тут живут или работают. Здесь есть старые бары и трагтории, рядом с которыми со временем появились и более современные заведения, некоторые даже весьма утонченные, как то, где я сижу сейчас. Когда я уже выхожу, по радио в баре начинает играть Semplicemente группы Zero Assoluto. Я на мгновение задерживаюсь в дверях и со сладким чувством, разбавленным легкой ноткой ностальгии, мысленно переношусь в мои двадцать лет, к тому, кого я считала своей большой любовью. Я часто слушала эту песню, особенно когда все закончилось...

Утро в книжном прошло спокойно. Посетители были, но не слишком много. Основные покупки всегда приходятся на вторую половину дня. Я воспользовалась этим, чтобы орга-

низовать пространство, и выделила угол побольше для книг, которые пользуются популярностью в соцсетях, особенно тех, что рекомендуют бук-токеры. Я постаралась сделать его уютным, поставив два зеленых кресла и рядом деревянный столик в шведском стиле. Недавно зашли две очень юные девушки, чуть старше подросткового возраста, и одна из них сняла видео. Она напрямик направилась в отдел, где выставлены эти книги, и я видела, что она закончила крупным планом на «Маленькой жизни» Ханьи Янагихары. После этого они начали искать что-то в отделе романтики, взволнованно листая книги. Сначала просмотрели пару книг Гувер, особенно задержавшись на «Признайся», затем перешли к роману Рокии, затем Тилли Коул, потом я увидела, как они оживленно спорят и что-то обсуждают, указывая на тома саги Тиджан, и наконец берут в руки «Слезы и звезды» Найке Рор¹. Затем они уселись, продолжая листать книги, читая аннотации и перешептываясь. Вскоре я видела, как они уходят с горящими глазами и с двумя книгами в руках.

Меня искренне удивляет, когда молодые и не очень молодые люди проявляют такой энтузиазм не только по отношению к жанровым романам, которые они всегда читали, но к историям и авторам, которых еще несколько лет назад большинство из них никогда бы не взяло в руки. Я стараюсь по-

¹ Коллин Гувер и Найке Рор пишут эмоциональную современную романтику, Рокия – автор любовных романов, Тилли Коул работает в категории young adult / new adult, Тиджан – автор бестселлеров в new adult / romance.

приветствовать новых читателей как можно теплее. С коммерческой точки зрения созданный мною в книжном уютный уголок — ход исключительно выигрышный.

Я съела меньше половины пьядины, которую заказала. Уже несколько дней я не могу есть. И ладно бы это шло на пользу фигуре... Но нет: килограммы уходят оттуда, откуда не надо, и остаются там, где я хотела бы от них избавиться. Мое лицо становится все более осунувшимся и бледным. Зато бедра и попа на месте, несмотря на постоянные тренировки. Хотя, должна признать, в последнее время я не всегда регулярно занимаюсь. Я иду в сторону пьядцы Бартоломео Романо, возвращаясь в книжный, и чувствую, как ноги просто отваливаются, а мышцы сводит от крепатуры. Вчера в спортзале я себя не жалела. Сначала приседания и выпады. Потом час на велотренажере. Физическая усталость мне на пользу. По крайней мере, так я себе говорю.

Сегодня утром мое настроение было на таком историческом минимуме, что я даже одеться решила не как обычно. Кто знает, на что я надеялась... Вместо привычных вещей я надела платье из кашемира, мягкое, достаточно сильно облегает, которое купила год назад, вместе с ним, и никогда не надевала. У него теплый апельсиновый цвет того осеннего оттенка, что я так люблю, как у фасадов исторических палаццо этого города. Коричневые сапоги на небольшом каблучке хорошо сочетаются с платьем. Но иллюзия длится недолго.

Проходя мимо ювелирного магазина на улице Виа Энрико Краверо, я смотрюсь в витрину и вовсе не нахожу себя красивой, наоборот, кажусь себе неуклюжей, толстой. И платье только усугубляет дело. Мне нельзя такое носить. И что это мне в голову стукнуло с утра? Ненавижу это отражение. Оно заставляет меня чувствовать себя неправильной. Неуместной. Я хочу сорвать с себя это платье прямо сейчас. Проблема в том, что я хочу порвать в клочья вообще все! У меня никогда не было гармоничных отношений с моим телом, с моей внешностью. А в последнее время все ухудшилось. Полагаю, это тоже из-за Алессандро. Из-за того, что он постоянно оставляет меня в подвешенном состоянии. Я для него никогда не на первом месте. Он без конца повторяет мне, что я красива, сексуальна и в то же время элегантна, что я его идеал женщины. Но я постоянно переживаю. На работе, на вечеринках, ужинах, мероприятиях, которые он посещает или организует, ему постоянно приходится иметь дело с людьми из мира шоу-бизнеса, кино, римской элиты: знаменитостями, политиками, аристократами, известными предпринимателями... И по фото, что он присылает мне в личку или постит в своих профилях, я заметила, что женщины почти всегда невероятно красивы – стройны и подтянуты, ухожены до мелочей, от макияжа до кожи, до кончиков ногтей, часто одеты очень броско и открыто, с головокружительными декольте и в эксклюзивных нарядах. Короче, полная моя противоположность. Но когда я указала ему на это, он отве-

тил, что вынужден иметь дело с такими людьми только по работе, это круг общения его семьи... но они не в его вкусе, и что, напротив, такой тип женщины, «одна показуха и поверхностность», наводит на него скуку. А я продолжаю смотреть на свое отражение и чувствовать себя несчастной...

И думая об этом, я ловлю на себе взгляд продавца, стоящего в дверях магазина. Он улыбается мне и смотрит так пристально и долго, что в какой-то момент я начинаю бояться, не подслушал ли он мои мысли. Или нет. Может, он просто хочет привлечь мое внимание. Я окатываю его леденящим взглядом и иду напрямик к книжному. С тех пор как я встречаюсь с Алессандро, я считаю себя «занятой», помолвленной. Это было бы смешно, если бы не было так грустно... Еще три года назад я бы сама рассмеялась. Но потом, когда неожиданно сам сталкиваешься с подобным, понимаешь, что любовь делает нас глупыми, тупыми. Безумными.

Впрочем, это он первый потребовал исключительных отношений, уверяя, что он и его жена уже давно не касаются друг друга. Но правда в том, что и независимо от этого мысль о прикосновении к другому мужчине меня даже отдаленно не привлекает.

Мне хотелось бы знать, кто ты.

Кто ты на самом деле?

Тот, кто был в самом начале нашей истории?

Тот, кто был внимательным, тот, кто замечал все детали

и мелочи?

Или тот, кто порой как будто ничего не знает обо мне и о том, что у меня внутри?

Кто ты? Тот, кто любил меня, как никто прежде, или тот, кто унижал меня холодными, колкими словами?

Ты человек, который должен был защищать меня вечно, или тот, кого никогда нет рядом в самые важные моменты, когда мне плохо, когда я действительно нуждаюсь в нем?

Скажи, кто ты!

Я хочу знать, ты тот добрый мужчина, который беспокоился, все ли у меня хорошо, счастлива ли я, или тот, который разрушает меня и разбивает вдребезги?

Кто ты?

Если ты моя любовь, почему мне так плохо?

Звонок мобильного спасает меня от разрушительных мыслей, роящихся в голове. Это Мартина.

– Привет.

– Дорогая! – ее голос теплый и глубокий, сильный, как она сама.

– Как дела? Я пообедала и возвращаюсь на работу, – говорю я, замедляя шаг.

– А я только что закончила с кариесом пациента, который не мог удержать свой чертов рот хорошо открытым дольше тридцати секунд подряд, и сейчас перекусываю сэндвичем на бегу.

– Ты тоже вся в бегах, как всегда... Кстати, мне нужно записаться на чистку зубов! Я уже давно не делала.

– Скажи, когда тебе удобно, я вечером перед уходом или сейчас, как вернусь, передам секретарше.

– Приду в книжный, прикину планы и отправлю тебе сообщение, спасибо!

– И все-таки – как ты? Я же специально позвонила узнать.

– Нормально. В общем.

– Как дела? – с нажимом повторяет, как бы подчеркивая, что я должна сказать ей правду.

– Так себе.

– Вот именно!

– Я справлюсь.

– Естественно! Ладно, поговорим обо всем спокойно, когда встретимся. А пока постарайся не думать об этом слишком много!

– Постараюсь.

– Я тебя люблю.

– А я-то тебя как, подруга моя чудесная.

Тем временем я подошла к книжному. Без Мартины и Паоло я бы никогда не смогла вынести всю эту боль. Они держали меня за руку в самые темные моменты этих отношений. Они были со мной в радости, болели за меня, но прежде всего оставались рядом в смутные времена, спасали меня каждый раз. Как сейчас, когда я чувствую, что меня засасыва-

ет в черную дыру. Они единственные, кто способен помочь мне подняться, когда, как сегодня, мне трудно даже ходить, говорить, есть.

Я знаю Паоло и Мартину с тех пор, как переехала из Флоренции в Рим, чтобы руководить нынешним книжным. Мы общаемся чуть больше трех лет, с октября 2021 года, примерно с того времени, как я знаю Алессандро, который вошел в мою жизнь двумя месяцами позже, а точнее 3 декабря 2021 года. Я хорошо помню этот день. Слишком хорошо. Я запечатлела каждую деталь. На нем был меланжевый шерстяной костюм и белая рубашка с мягким воротником, французская. Легкая небритость подчеркивала квадратную челюсть. Волнистые, довольно длинные волосы с прядкой, ниспадающей на черные, слегка раскосые глаза, придавали ему загадочный вид, одновременно спокойный, уверенный и мягкий, непредсказуемый. И взгляд, тот самый, который делает его таким соблазнительным. Как только наши глаза встретились, я почувствовала, как у меня заколотилось сердце, а по всему телу побежали мурашки.

– Привет! Прости... – он казался растерянным. – Я искал «Путешествие на край ночи» Селина...

У него был невероятно мягкий голос и очень изысканные манеры. Он казался сдержанным, но в то же время излучал тепло, притягивал.

– Здравствуйте, он вот там.

Я указала на стеллажи с классикой зарубежной литерату-

ры и постаралась сохранить самообладание, потому что внезапно почувствовала покалывание во всем теле. Чтобы уравновесить это неожиданно мощное ощущение, которому я не могла дать названия, я приняла вид серьезный и профессиональный, настолько, что в итоге стала говорить ему «вы», забыв правило, согласно которому нужно отвечать «ты», если клиент первый использует эту форму и пытается завести дружескую беседу.

– Простите, я грубиян, я обратился к вам на «ты»... – ответил он, поднимая руку в знак извинения.

– Ой, нет, это я извиняюсь, на «ты» – прекрасно! Правда! Я растерялась. Я, привыкшая все держать под контролем, я, которая больше не верила в любовь с первого взгляда...

Он ничего не добавил, просто улыбнулся. И эта улыбка была сногсшибательной. Она стала последним, решающим ударом. Эта улыбка покорила меня. Эта улыбка была самой красивой и самой невероятной, что я когда-либо видела. Она сумела коснуться меня повсюду, даже не прикасаясь по-настоящему, как удаётся только вещам волшебным и неожиданным.

Потом он пришел на следующий день. И через день. А я с того дня каждое утро просыпалась в надежде увидеть его.

Вот как это было.

Едва я переступаю порог книжного, как снова слышу телефонный звонок. Наверняка это Мартина, она всегда забывает сказать мне что-нибудь. Я киваю в знак приветствия Тициане, которая разговаривает с клиентом, и достаю телефон из сумки.

Это он.

Смотрю на имя на экране и пытаюсь почувствовать злость.

Но внутри таю.

Как будто до сих пор я не дышала.

Как будто он – кислород.

Как будто я испытываю физическую потребность слышать его, вдыхать его присутствие в моей жизни. В какой бы форме оно ни проявлялось. Даже если я знаю, что ничто так не порождает пустоту и одиночество, как это самое присутствие в моей жизни.

Даже если я знаю, что должна ненавидеть его за то, как он со мной обращается.

Должна ненавидеть за то, как он заставляет меня чувствовать.

– Привет, – я стараюсь звучать холодно.

Снова выхожу на улицу, чтобы избежать посторонних ушей.

– Эй, привет... – его голос, напротив, теплый, нежный, знакомый, невероятно сексуальный. – Прости, что не давал о себе знать эти дни. Снова были серьезные проблемы с Жа-

ном Марией. Он избил одноклассника, нам позвонили из школы, я не знаю, что с ним происходит...

– Бедный Жан Мария! – говорю я искренне.

– Спасибо. Надеюсь, этот этап скоро пройдет. Кажется, его накрыло с головой. Мы с Витторией решили обратиться к психологу. Ему всего одиннадцать, я знаю, но нас беспокоят некоторые его реакции.

– Вы все правильно сделали.

Едва я произношу эти слова, я понимаю, что на самом деле не имею ни малейшего понятия, как вести себя с ребенком.

– Как ты?

– В общем и целом жива, несмотря на объем работы в книжном. В праздничный период нам не хватает дополнительного человека в магазине и еще одного на складе.

После этих слов я кашляю.

– Твой кашель все еще не прошел?

– Пройдет.

– Ты что-нибудь принимаешь? Показывалась врачу?

– Если продолжится, пойду.

– Клара!

– Не понимаю, знаешь, я просто не понимаю, как ты можешь так себя вести.

– Как именно?

– Алессандро, ты издеваешься надо мной? Ты должен был позвонить мне девять дней назад! Ты должен был наконец

рассказать все своей жене. Мы столько это обсуждали! Это было важно. А ты ведешь себя так, будто ничего не произошло. Исчезаешь, читаешь мои сообщения и оставляешь их без ответа! Прошло больше недели, а от тебя ни слуху ни духу!

– Прости, ты права, прости, что не ответил тебе, но... у меня был какой-то блок, я чувствовал себя парализованным, мне было стыдно. У меня не получилось. Не получилось сделать то, что я хотел, то, что обещал тебе.

– Даже не знаю, что сказать, правда, у меня больше нет слов...

– Клара, почему ты никогда не пытаешься поставить себя на мое место?

– На твое место? Я правильно расслышала? Ты сейчас серьезно спрашиваешь?

Он вздыхает.

– В любом случае, я поговорил с ней, – добавляет он тоном, в котором слышны и досада, и безразличие.

– Ты поговорил со своей женой?

– Да, – уверенно отвечает он.

Я колеблюсь и потом недоверчиво спрашиваю:

– Правда?

– Я сказал не все, но я начал говорить, начал давать понять.

– Что это значит?

– Клара, такие вещи нужно делать спокойно, у нас с ней

двое детей... Я должен защитить их! Что тут непонятного?

– Я знаю, что у вас двое детей и что их нужно защитить. И я уже говорила тебе, что, если ты не готов, если считаешь, что тебе лучше остаться, я пойму, но я хочу знать, ты должен просто определиться! Я прошу только этого! – говорю я сдавленным голосом.

– Нет, я не намерен оставаться, правда, просто ситуация очень деликатная, я должен понять, как действовать, и постараться причинить как можно меньше боли. Ты же знаешь, моя семья против этого решения. Они не помогают мне, а, напротив, мешают. Виттория не только будет чувствовать себя плохо, но и постарается разрушить мою жизнь. Я объяснял тебе это тысячу раз. Она найдет способ запретить мне видеться с детьми. Она наймет армию адвокатов и не знаю кого еще. И ты в курсе, насколько она влиятельна. А я в курсе, насколько она может быть мстительной. И злой.

– Я знаю, знаю о твоих детях. Ты думаешь, я люблю сеять боль? Я не монстр! Но ты годами повторяешь одно и то же. И именно поэтому годами я прошу тебя хорошо подумать, чтобы быть уверенным, что ты действительно хочешь именно этого.

– Я знаю, чего хочу. Может, ты мне не веришь. Но я знаю, чего хочу!

– Но так что же ты ей сказал? Ты рассказал ей обо мне?

– В некотором смысле...

– Алессандро, не издевайся надо мной! Что значит «в

некотором смысле»?

– Я начал подготавливать ее, сказал, что, возможно, мы уже не те, что раньше, что наши чувства изменились...

– Чувства изменились? Но вы же спите в разных комнатах много лет! Очевидно, что ваши чувства изменились! Я не понимаю! Как вы можете жить раздельно в одном доме, если ваши чувства остались прежними? Мне кажется, я сойду с ума!

– Ну... Успокойся! – теперь он как будто даже встревожен моим состоянием. – Конечно, это очевидно! Но для нее это способ оставаться вместе. Она привыкла, для нее невысказанно отказаться от этой зоны семейного комфорта. Не придирайся к каждому моему слову!

– Я никогда вас не пойму! Ну и что, как она отреагировала?

– Она была в ужасе, ее затрясло.

На мгновение я ставлю себя на ее место и чувствую себя ужасно виноватой. Кто я такая, чтобы причинять ей такую боль?

– Мне жаль, – говорю я.

– Я даже боюсь, что она может причинить себе вред, понимаешь? – продолжает он серьезным тоном.

– Почему ты так думаешь? Она что-то сказала? – и меня снова накрывает чувство вины.

– Эх... – вздыхает. – Дала понять, да...

– Даже не знаю, что ответить. Правда. Так каков же итог

всего этого, Алессандро? Говори ясно, пожалуйста, у меня больше нет сил, и я ничего не понимаю, – произношу я сдавленным голосом.

– Ты постоянно заставляешь меня чувствовать себя виноватым, без шансов на спасение. Ты только и делаешь, что постоянно меня осуждаешь.

– Да что ты такое говоришь? Ты же знаешь, я не осуждаю тебя...

– Я люблю тебя и хочу провести остаток моей жизни с тобой, любимая. – И после небольшой паузы добавляет: – Но ты должна дать мне время, ты должна доверять мне.

– Время? Еще время? Все эти бесконечные разговоры так ни к чему и не привели. Уже три года все это продолжается, наши отношения.

– Но за эти три года были сделаны шаги вперед, многое изменилось.

– Что? Что именно изменилось? Скажи мне, давай!

– Я изменился. Вот что действительно важно. Ты думаешь, мне было легко принять свой провал? Понять, что мне придется разочаровать своих детей? Разве не важно то, что изменилось во мне? Весь тот путь, что я прошел, в том числе и благодаря тебе?

– Конечно, важно, и я в этом не сомневаюсь, но на данном этапе мне нужно что-то конкретное, мне нужно знать, что я действительно существую в твоей жизни, а не смотрю на нее через замочную скважину, украдкой, как воровка.

– Ты права, ты заслуживаешь этого, ты заслуживаешь всего, ты могла бы иметь все... – он колеблется мгновение, а затем заключает: – И ты должна иметь все!

– Теперь я чувствую себя отвратительно. Я еще и виновата.

– Ты разбиваешь мне сердце, когда говоришь такие вещи, – глубоко вздыхает он, а потом добавляет: – Но у меня для тебя сюрприз.

– Какой сюрприз?

– Ты помнишь дом в Сабаудии, о котором я тебе рассказывал?

– Тот, который принадлежит твоему другу-режиссеру и который тебе так нравится? Где ты иногда останавливаешься, когда возвращаешься из рабочих поездок в Неаполь?

– Именно. Тот, куда я всегда езжу один. На этот раз я хотел бы поехать туда с тобой. Я так долго об этом мечтал. Он очень красивый, тебе понравится.

– Я была бы счастлива его увидеть... – я осознаю, что должна сказать что-то еще, но это единственные слова, которые я могу произнести.

– И я был бы счастлив поехать туда с тобой... – Мгновение поколебавшись, он продолжает: – Поверь в меня, поверь в этот раз, не подвергай меня постоянным сомнениям, я вкладываю все силы, клянусь тебе!

– Прости меня.

– Я люблю тебя больше всего на свете, Клара.

– Я тебя тоже.

Когда я кладу трубку, в голове у меня еще бóльшая каша, чем прежде. Я чувствую себя глупой. И немного виноватой. Так я себя чувствую всегда с тех пор, как я его знаю. С тех пор, как за долю секунды безумно в него влюбилась.

Я возвращаюсь к работе, и мысли в моей голове напоминают клубок колючек. Но при одном только воспоминании о его голосе у меня бегут мурашки по коже. Меня охватывает чувство, похожее на опьянение. Мне бы хотелось сказать, что вся эта боль постепенно, день за днем, отдаляет меня от него, от его лжи, двусмысленности, от этой огромной, ядовитой и безвыходной любви. Но это не так.

Я понимаю, что люблю его все сильнее. И сам факт, что я услышала его после такого долгого перерыва, сделал день светлее. Сделал меня счастливой. И все вокруг стало другого цвета. Стало по-другому звучать. По-другому пахнуть. Я смотрю на растения, которые расставила от входа в магазин до самых касс. Сегодня я замечаю их как будто впервые. Даже песня, что сейчас играет, A Man Needs a Maid Нила Янга в великолепном исполнении Дэвида Гаана, кажется мне сейчас еще красивее.

Я с широкой улыбкой иду навстречу постоянному клиенту, он хочет знать, вышел ли уже последний роман Рекальки. Я показываю ему, где его найти.

Потом обслуживаю одну очень милую женщину, которая ищет книгу рецептов известной ютуберши, сказку для детей и какую-нибудь книгу для себя: она не знает, что именно взять. Ее улыбка дарит мне позитивную энергию. Я стараюсь ответить ей тем же и рекомендую «Элегантность ежика» Мюриель Барбери.

Потом помогаю очень молодой девушке, которую в последнее время часто вижу в книжном; она была и на последней презентации. Я запомнила ее, потому что такую сложно не заметить: у нее красивое и очень выразительное лицо, неудивительно, что она актриса; впрочем, в этом районе мне уже довелось встречать актрис. Она ищет фотоальбом о Кубрике, но его нужно заказывать.

Сразу после я вижу свою сегодняшнюю «записочку». Женщина лет сорока, скромного вида, с опущенным взглядом, застенчивость проступает в каждом ее движении. Я подхожу к ней.

– Здравствуйте, могу я вам помочь?

– Здравствуйте, да... – она колеблется одно мгновение, потом добавляет: – Я искала книгу... Э-э-э... В подарок подруге.

Она улыбается, опуская взгляд еще ниже.

– Конечно! У вас уже есть какие-то идеи?

– Вообще-то, нет.

– Что она за человек?

– Она... совершенно не такая, как я! – отвечает она почти

смушенно. – Блестящая, решительная...

Я рекомендую ей «Спор до последнего поцелуя» Анны Премоли, яркую комедию с блестящей и решительной героиней... Должно подойти для ее подруги.

– Могу я порекомендовать одну книгу и вам лично? – спрашиваю я, а в голове у меня уже вертится подходящее название.

– Хорошо, – отвечает она немного неуверенно, и тогда я рассказываю ей про игру с записочками. Она кажется удивленной и счастливой.

– Пойду принесу ее!

Вскоре я возвращаюсь с «Алой буквой» Готорна, надеясь, что эта книга сможет встряхнуть ее. У меня такое ощущение, что ей это нужно.

В записке я пишу: «ТЫ СИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА! НО, ВОЗМОЖНО, САМА ЕЩЕ НЕ ЗНАЕШЬ ОБ ЭТОМ...».

Она прощается со мной с благодарной улыбкой.

В метро по дороге домой я слушаю Билли Айлиш, которая поет What Was I Made For?. Я устала, измотана так, будто истратила всю энергию, что была в моем распоряжении, чтобы пережить жестокий и бесконечный шторм, и теперь у меня не осталось ни грамма сил. Я чувствую себя опустошенной, и все же боль, злость, разочарование, которые почти уничтожили меня во время того шторма, теперь имеют другой привкус, отзываются внутри меня далеким эхом и, как

всегда, уступают место возбуждению и счастьем. От злости, кажется, не осталось и следа. Но страх еще не покинул меня.

И я доверяю свои мысли записной книжке.

Мне страшно, знаешь?

Я хотела бы наслаждаться моментами радости с тобой, теми, от которых трепещет сердце, теми, что заставляют меня чувствовать себя по-настоящему живой, теми, при воспоминании о которых я по-детски улыбаюсь, но каждый раз, когда у нас все хорошо, каждый раз, когда я вкушаю хотя бы каплю счастья, сразу же появляется горькое послевкусие, страх, что все это лишь временно. Что это лишь очередная иллюзия. И тогда я вспоминаю, что ночью ты спишь в другой постели, не в моей, в другом доме, с другим человеком, которого, как ты говоришь, давно не любишь, но которого у тебя не хватает смелости оставить. Ради детей. Чтобы не причинять боли. А может, из-за страха.

И тогда я спрашиваю себя, имею ли я право радоваться.

Реально ли это мое счастье.

Я боюсь разочароваться.

Снова почувствовать себя плохо.

Я думаю, что если сейчас я отдамся радости, то падать потом будет еще больнее.

Мне страшно, знаешь?

6. Все во мне пропитано тобой

Дневник Анны

Милан, 5 сентября

Я только что вернулась домой и немного пьяна. Франчи был бесконечно мил. Он представил меня всем своим друзьям, до этого я знала лишь некоторых. Мы с Барбарой сидели за их столиком. Он то и дело отлучался, чтобы встретить ребят, которые пришли по его приглашению. Все из университета. Потом возвращался. Я чувствовала себя почти его девушкой. Как будто он решил быть только со мной. Мы много раз говорили об этом, но он не хочет спешить. Говорит, что я ему очень нравлюсь. Но что он хочет делать все не торопясь. А я нет, я готова с ним на что угодно. Я бросила бы ради него все. Но это лишь мечты. По крайней мере, пока.

Я всегда притворялась, что неспешный темп меня тоже устраивает, что каждый может продолжать жить своей жизнью, встречаться с другими.

Но я хочу большего.

Впрочем, я ни с кем и не встречаюсь...

Барбаре тоже было весело, она познакомилась с другом Франчи, и между ними пробежала искра. Когда мы вышли, я поехала на машине с Франчи, а она – с Маттео.

Мы с Франчи уединились в переулочке, который выходил

к парку, и занялись этим. Все случилось быстро, но все равно было прекрасно.

Заниматься с ним любовью – все равно что летать.

С ним я чувствую себя цельной. Я и он, мы – целый мир.

Я бы хотела, чтобы мы никогда не разъединялись.

Я бы хотела, чтобы он никогда не переставал смотреть мне в глаза.

Барбара прислала мне сообщение, что только что вернулась домой и что целовалась с Маттео. И что они увидятся снова.

Моя сообщница!

Моя закадычная подруга!

Я пообещала пригласить ее в гости в Калабрию этим летом, а потом свозить ее в Сциллу, волшебное место на море недалеко от Тауриановы, городка, где я родилась и где мои родители управляют небольшой сельскохозяйственной фермой, доставшейся им в наследство от моих бабушки и дедушки.

Я очень привязана к ферме, к земле, к оливковым деревьям. Особенно к оливковым деревьям. Я их бесконечно люблю. В детстве я целые дни проводила там с бабушкой Марией, папиной мамой. Она была тем человеком, который понял меня лучше всех на свете и который научил меня очень многому.

К сожалению, она ушла, когда я была еще маленькой. Мне только исполнилось одиннадцать. Но все, что она старалась

мне передать, до сих пор живет во мне, и, взрослея, я поняла, что именно у нее научилась уважению к себе и чувству собственного достоинства, стремлению к финансовой независимости и важному умению думать своей головой. Не зависеть от чужого мнения.

В детстве это казалось мне непонятным.

Теперь я знаю, что все это уже есть во мне, хотя до некоторых вещей мне еще очень далеко. В основном из-за образа мыслей моего отца... Я спрашиваю себя, как такое возможно, что при такой бабушке у него настолько отсталый и маскулинный склад ума, такие авторитарные замашки. Мысль о том, что после окончания университета придется вернуться в Калабрию, чтобы управлять семейным бизнесом, кажется мне кошмаром. Я люблю эти места, но всегда мечтала о другом будущем, и бабушка Мария знала это.

Впрочем, хватит писать об отце, сейчас мои мысли должны принадлежать только Франчи.

И жизни, что взрывается во мне.

И счастьем, что читается в моих глазах.

Ты чувствуешь эту жизнь?

Ты чувствуешь это счастье?

Все во мне пропитано тобой.

Все в моей вселенной вращается вокруг тебя.

Звезды, планеты, кометы... Все имеет смысл, только если

есть ты.

Все существует, чтобы освещать тебя. Ты

есть

жизнь.

Ты

есть

счастье.

Ты

есть

вселенная.

7. Я просто хотела, чтобы ты обнял меня

Жизнь Клары

29 ноября

Я просыпаюсь оттого, что Луна лежит у меня на груди и тычется мордочкой мне в нос. Должно быть, еще нет половины седьмого, потому что будильник не звонил, но явно осталось недолго: Луна – существо привычки и никогда не будит меня слишком рано. И действительно, сейчас 6:25. Я принимаюсь ее гладить. Поскольку я всегда работаю вне дома, она страдает от моего отсутствия, и при любой возможности я уделяю несколько минут, чтобы поиграть и приласкать ее.

Я встаю продрогшая: должно быть, таймер бойлера опять не сработал. Квартира довольно старая. Хозяйка, Эуджения, милая восьмидесятипятилетняя дама, с которой мы со временем подружились, бывшая воспитательница в детском саду, обещает сделать ремонт с тех пор, как сдала мне ее. Она говорит об этом каждый раз, когда приходит ко мне выпить чаю или бокал вина. Ее квартира – этажом выше. Мы проводим много времени в разговорах о книгах, поэзии, музыке и былых любовях. Или будущих. Она рассказывает мне о своей молодости, о чем она мечтала, о том, как сложилась ее жизнь, на что у нее не хватило смелости, о сожалениях,

которые, должно быть, тяготят ее, и просит меня не повторять ее ошибок и преследовать свое счастье любой ценой. В чем-то она напоминает мне мою бабушку. Иногда она вызывает у меня улыбку, иногда громкий смех – своей прямоотой и тонкой, дерзкой и разрушающей шаблоны иронией, которая присуща тем, кто понял, что ничего не стоит принимать слишком серьезно, особенно себя самого. Я уверена, что она и вопрос ремонта квартиры серьезно не воспринимает.

Пока я думаю о ней, у меня в голове звучат нежнейшие и меланхоличные ноты *Canzone dell'amore perduto* Де Андре, потрясающей песни, с которой она меня познакомила.

Квартира довольно обветшала, но в ней есть своя прелесть: она теплая, уютная и довольно просторная. В гостиной стоит круглый старинный стол и книжный шкаф во всю стену, сделанный на заказ, где мне удалось разместить все свои книги и каждый сантиметр которого бдительно охраняется Луной. Это комната, в которой я провожу больше всего времени. В которой я ужинаю с друзьями. Вернее, раньше ужинала. В последнее время я предпочитаю ходить куда-нибудь. У меня нет особого желания стоять у плиты. Чтобы готовить для других, нужно быть в хорошем настроении. А я часто не в настроении. В квартире есть большая терраса, на которую можно попасть из любой комнаты, и летом там очень здорово. Мне бы так хотелось проводить там время с ним. Летними вечерами, когда дети прекращают играть в футбол, улица становится очень тихой, хотя в ста метрах находится

Пьяцца Болонья, университетский район, полный студентов со всех концов Италии, забитый барами, тратториями, магазинчиками. Когда я приехала сюда три года назад, то не была уверена, что эта квартира – подходящее для меня место, а теперь рада, что поселилась здесь. Теперь я воспринимаю их как свои – и квартиру, и район.

Покормив Луну, я готовлю завтрак. Открыв кладовку, я понимаю, что пришло время сходить в магазин. К счастью, у меня еще осталось немного хлопьев и печенья. Завтрак для меня – неотъемлемая часть дня. Мне нравится завтракать плотно и неторопливо, поэтому я встаю рано. Пока я просматриваю телефон, листаю инстаграм² и отвечаю на сообщения, приходит сообщение от Алессандро: «Я так по тебе скучал эти дни. Не могу дождаться, чтобы снова обнять тебя». И на моем лице расцветает улыбка.

Я одеваюсь. Надеваю просторный бордовый свитер с высоким воротником, который мне очень нравится, темно-синие джинсы и низкие черные кожаные ботильоны.

Потом поворачиваюсь к полке, где стоят мои духи. Духи для меня священные. На одежде я обычно экономлю. Я, конечно, стараюсь хорошо одеваться, уделяю внимание аксессуарам, сумкам, браслетам, серьгам, но при этом очень люблю простоту и, обладая некоторым вкусом и вниманием к деталям, ухитряюсь отлично выглядеть, не тратя целое состо-

² Instagram принадлежит компании Meta, признанной в РФ экстремистской организацией, деятельность ее сервисов на территории РФ запрещена.

ание. Но на духи я не скуплюсь. Духи – это инвестиция, которая ласкает эмоциональную сферу, это сенсорное путешествие вне времени, это аспект, который характеризует тебя, определяет, увековечивает важные моменты твоей жизни.

В последнее время я часто их меняю. Так было не всегда. Количество духов, которые я чередую, сильно зависит от моей эмоциональной стабильности. В периоды, когда я чувствую себя достаточно спокойной и собранной, я использую два-три аромата, включая летний вариант одного из них – и это мои постоянные духи, те, что я ношу всю жизнь, по крайней мере лет десять. Один аромат сладкий и легкий, с нотами розы и фундука, теплый, но не чрезмерно. Другой – более насыщенный и чувственный, сильный, проникающий, утонченный и решительный, для особых случаев. Когда я хочу чувствовать себя красивой, сексуальной. Когда я хочу соблазнить.

За последние годы я добавила еще три. Один связан с Алессандро, он напоминает мне о нем и об одном особом моменте, что принадлежит только нам. Другой я использую, когда мне грустно, у него меланхоличные, почти интимные ноты, которые входят в резонанс с моим состоянием души. И последний – более оживленный, возможно, немного детский и игривый, я ношу его, когда мне хочется сделать какую-нибудь глупость...

Я жду метро на платформе и мерзну. Монитор рядом с

расписанием поездов показывает четыре градуса. Я приптоп-
тываю ногами. Хожу взад-вперед. Поезд приходит в 8:15,
на удивление полупустой. Мне удастся сесть, и, как каждое
утро, я принимаюсь читать. Я сейчас на последних страни-
цах «Симметрии желаний» Нево.

К книжному я подхожу без пятнадцати девять. Я отклю-
чаю сигнализацию, поднимаю рольставни, вхожу и запираю
дверь на ключ. Прежде чем открыться для посетителей, нуж-
но переделать кучу дел. Я включаю весь свет, достаю кассу из
сейфа, выбираю плейлисты для фоновой музыки – исходя из
своих вкусов, но и учитывая вкусы других. У меня действи-
тельно разнообразная и разносторонняя подборка. Музыка,
как и духи, играет в моей жизни важнейшую роль. Первая
песня – Wonderful Life в исполнении Кэти Мелуа, за ней сле-
дует I've Been Loving You Too Long Отиса Реддинга.

А потом:

Si no estás Иньиго Кинтеро
A Song For You Донни Хатауэя
Single Soon Селены Гомес
Mother Of Violence Питера Гэбриела
Completamente *Thegiornalisti*
Smoke Gets in Your Eyes *The Platters*
Arsenico Айелло
Let It Be *The Beatles*

...

Спустя несколько минут приходит Фабрицио, мой коллега, который занимается складом вместе с Луизой. Потом Агата и Тициана. К 9:30 мы готовы начать бал. И понеслось! Настрой решительно отличается от того, что был два дня назад. Меня даже не пугает мысль о предстоящем тяжелом дне.

Для нас, книготорговцев, сейчас во всех смыслах начался жаркий период. С этого момента и до двадцать четвертого декабря включительно у нас не будет ни минуты передышки. Мы будем завалены книгами, стеллажами, стойками, на нас посыплется бесконечные письма от агентов, коммерческих сетей, издательских домов с постоянными указаниями насчет продвижения отдельных книг. Нам придется управлять пространством, витринами, площадками, стеллажами в магазине, полками у кассы с еще большим вниманием, чем обычно. Многие мои коллеги сейчас хотели бы закрыть глаза и проснуться только седьмого января. Я их понимаю, потому что у нас нет ни единой паузы, но правда в том, что этот период я люблю больше всего. В магазине витает возбуждение. Поступает много новинок, от художественной литературы до кулинарных книг, не говоря уже о литературе для детей и подростков. Это непрерывная гонка без остановок до самого Сочельника, но по мере приближения к финишу мы все больше убеждаемся, что книги завоевали сердца людей, что их покупают и для себя, и для своих близких. Для книготорговца нет ничего прекраснее, ничто не приносит большего

удовлетворения, чем понимание одной вещи: то, во что ты верил, сможет – часто как раз благодаря твоей рекомендации – войти в дома многих людей. Что автор, сумевший поговорить с тобой, будет говорить и с другими, что те эмоции, которые ты испытал, смогут коснуться и чьего-то еще сердца, хотя, возможно, и по-другому.

В это несколько безумное время мы не проводим презентации и встречи с авторами в магазине, потому что невозможно со всем справиться. Ни у кого из нас не было бы на них времени. В виде исключения последняя в этом году была назначена на 5 декабря, что уже за гранью допустимого. Но это обещание я сама дала автору, Марко, молодому и талантливому парню, которого публикует Артуро, издатель, участвующий в наших презентациях и в нашем читательском клубе. Ему необходима инъекция уверенности, чтобы поверить в себя, и, возможно, люди, пришедшие в магазин, услышав его, решат дать шанс и его книге. Он написал короткие рассказы о любви и о женщинах из разных исторических периодов. Эти истории заставляют задуматься, и я нашла их очень оригинальными, а его стиль – зрелым. Когда он дал их мне почитать, я не думала, что они меня покорят, но, начав, не смогла остановиться до глубокой ночи, пока не закончила книгу.

– Агата, есть новости о дополнительных стульях, которые мы запросили в центральном офисе?

– Придут завтра утром! – отвечает она, прежде чем по-

дойти к клиенту, которому несет книгу.

– Хорошо! Пожалуйста, не забудь, что на презентации в четверг ожидается много народа!

На первых презентациях местных авторов часто так бывает: приходят все родственники и друзья, и зал, который мы используем, почти всегда полон. Для меня, особенно когда речь идет о молодых дебютантах, это всегда очень волнительно.

Мой взгляд падает на хорошо одетого господина в зеленой вельветовой куртке, рубашке и брюках в рубчик. Ему лет шестьдесят пять, я часто вижу его в магазине, он один из тех, кого мы, работники, называем «сильный читатель». Обычно он ни о чем не спрашивает, берет то, что ему нужно, в основном детективы, иногда исторический нон-фикшн, платит, вежливо прощается и уходит. На этот раз, однако, он кажется немного неуверенным, оглядывается по сторонам, и у меня такое впечатление, что он ищет мой взгляд или Тицианы.

– Здравствуйте, могу я вам помочь? – подхожу я к нему с улыбкой.

– Здравствуйте, вы же заведующая, верно?

– Да, очень приятно, я Клара, – протягиваю ему руку.

Он пожимает ее, одаривая меня в ответ учтивой улыбкой.

– Я Энцо, но мы с вами часто здесь виделись.

После небольшого обмена любезностями он рассказывает, что сейчас работает директором школы, но через три го-

да уходит на пенсию, и сообщает, что ему хочется почитать что-нибудь другое, не как обычно. И добавляет очень тихо и с восхитительным самообладанием, что недавно потерял жену. В его глазах я вижу боль и бесконечную, неиссякаемую любовь. И тогда я сразу понимаю, что этому человеку не просто хочется – ему нужно что-то новое. И я также чувствую, что сегодняшняя записка достанется ему.

– Мне так жаль... – я знаю, что это бесполезно, но не могу подобрать других слов.

– Благодарю, но я не хотел вас огорчить. Такова жизнь, – говорит он, разводя руками и почти пытаюсь меня успокоить.

– Не беспокойтесь, вы меня не огорчили... Лучше скажите, раз уж ищите что-то новое... – добавляю я с улыбкой, – вы читали «Спокойный хаос» Сандро Веронези? Я хотела бы порекомендовать его вам. Не хочу раскрывать подробностей, но мне кажется, этот роман вам может очень понравиться. Внутри книги я позволю себе вложить записку с небольшим посланием. Посланием только для вас, которое вы сможете прочитать дома.

– Я с радостью их прочту! И книгу, и вашу записку! – его глаза увлажняются, а у меня встает ком в горле.

– Тогда подождите меня. Я сейчас.

Вскоре я возвращаюсь к нему с книгой и запиской, в которой написала:

«ЗДЕСЬ ВСЕГДА БУДЕТ СКАМЕЙКА
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ТЕБЯ. КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА

ОНА ТЕБЕ ПОНАДОБИТСЯ».

Мы прощаемся теплым долгим рукопожатием.

Сразу после этого я вижу, как входит Мара, наша постоянная клиентка, немного эксцентричная девушка: шокирующе-розовые волосы и миллион татуировок. Сегодня на ней нейлоновый комбинезон цвета фисташки. Я обожаю ее.

– Мара! Как дела?

– Настал момент! – говорит она серьезно.

– Для чего? – спрашиваю я озадаченно.

– «Граф Монте-Кристо», я никогда его не читала.

– И почему момент настал именно сейчас?

– Потому что после долгой работы над собой, после многих лет медитации я наконец постигла истинную ценность надежды и ожидания.

– Я не уверена, что полностью уловила смысл, но уверена, что тебе все более чем ясно.

– Так и есть. Все очень ясно!

– Это хорошо. Хорошо, – говорю я с энтузиазмом. – Подожди, я пойду принесу его.

– Я знаю, где книга. Сама возьму. Это важный момент. Но спасибо! – отвечает она, прощаясь со мной, молитвенно складывая ладони у груди.

Я наблюдаю, как она берет книгу и садится в уголке, где я распорядилась поставить деревянный стол и несколько кожаных кресел для клиентов, которые хотят почитать в магазине. Это одно из моих любимых мест в книжном – возмож-

но, самое теплое и уютное, наряду с тем, что я недавно отвела для книг бук-токеров.

Я выхожу из книжного около 18:30. В это время года мне редко удастся не задерживаться на работе. Теперь у меня есть время только заскочить в супермаркет и забежать домой переодеться перед ужином.

Прежде чем выйти, я смотрю на телефон и вижу сообщение от Алессандро.

«Не могу дождаться завтра, любовь моя. Считаю минуты».

«Я тоже. Слишком долго не виделись. Задыхаюсь».

Вернувшись домой, я немного поиграла с Луной и приготовила ей поесть, а потом нашла несколько минут для себя и своего дневника.

Я просто хотела, чтобы ты обнял меня. Мне хорошо в твоих объятиях. Каждый раз это так восхитительно и необъяснимо... Потому что твои объятия заставляют меня чувствовать себя обнаженной, но в то же время защищенной. Хрупкой, но лишенной всякого страха. Счастливой, но чертовски напуганной возможностью, что вся эта магия может закончиться.

И что ты можешь оставить меня.

И что я без тебя перестану дышать...

Потом я быстро принимаю душ, одеваюсь и выхожу,

чтобы вовремя добраться до мексиканского ресторана. Мы с Мартиной и Паоло часто назначаем здесь встречи. Мы любим мексиканскую кухню и район Пиньето, где он находится. Этот исторический рабочий римский квартал полон волшебной атмосферы, я полюбила его с первой минуты, как оказалась в Риме. Что нам так нравится в этом заведении, так это его контраст с самим кварталом: место экзотическое, внутри полностью отделанное мексиканским деревом зирикоте, а в воздухе витают ароматы острых специй и корицы. Это одно из наших любимых мест. Я показала его и Алессандро еще в самом начале наших отношений. Я помню, что Паоло и Мартина тогда устроили ему допрос, вроде как в шутку, но в глубине души – всерьез. И он показал себя великолепно. Отвечал блестяще и оставил о себе приятное впечатление. Мы здорово повеселились. Я смотрела на него, и мне казалось, что я сплю. Он настоял на том, чтобы угостить всех ужином. Мартина и Паоло были покорены. Его мягкими и милыми манерами. А он – ими. Хотя потом в их отношениях, особенно с Паоло, кое-что изменилось... Время от времени Алессандро, замечая недоверчивость Паоло по отношению к нему, пытался предостеречь меня, утверждая, что тот ревнует к любому, кто крутится вокруг меня, что его дружба кажется ему болезненной привязанностью ко мне и что Паоло никогда не смирится с тем, чтобы видеть кого-то рядом со мной. И, признаю, вначале его слова заставили меня задуматься, но потом я поняла, насколько порядочен Па-

оло, несмотря на его экстравагантную и немного грубоватую манеру общаться, и насколько искренна его дружба.

– Девочки, я хочу еще буррито и посоле. Они здесь всегда потрясающие, а я голоден как волк! – восклицает Паоло, отвлекая меня от воспоминаний. С очень короткими, стриженными почти под ноль волосами, смуглой кожей и черными глазами он похож на выходца с Ближнего Востока.

– А я хочу еще одну маргариту! – подхватывает Мартина. Она блондинка, кудрявая, маленькая, сухая и жилистая.

– Отлично, одобряю! – говорю я, смеясь.

– Разве могу я противостоять двум таким сногшибательным женщинам? – иронично спрашивает Паоло.

– Конечно, не можешь! – уверенно заявляет Мартина. – И кстати, тотал блэк тебе чертовски идет, любовь моя! – добавляет она.

– Спасибо! – отвечает он, расправляя плечи.

– Я пригласила бы тебя на свидание сегодня вечером, если бы не знала тебя, – продолжает Мартина.

– Дорогая, я не ходил на свидание с женщиной с восьмого класса! И даже тогда это закончилось лишь мимолетным касанием губ. Я до сих пор помню. И что вместо желания и удовольствия я испытал только нежность к этой девочке, которая сразу стала одной из моих лучших подруг. Кроме того, огромное любопытство у меня вызвал ее блеск для губ. У него был восхитительный вкус, и я тоже такой захотел!

Мы смеемся.

– Считай, тебе повезло. Вокруг куча людей, которые не знают, чего хотят от жизни! – вставляю я.

– Подтверждаю, подтверждаю. Я насобираала их немало, этих нерешительных, – восклицает Мартина иронично. – И мудаков, – добавляет она, слегка нахмутив брови. – Помните того, прошлым летом, который звонил маме каждый раз, когда нужно было выбрать одежду?

– Боже, да! Что за тип! – у меня даже слезы от смеха выступили.

– Ладно, он хотя бы был забавный. Настоящая проблема – это мудаки!

– И нерешительные! – добавляю я.

– Это классика. Когда они внезапно исчезают, потому что у них не хватает смелости сказать тебе, что больше не хотят тебя видеть.

– Да, в этом мы, женщины, лучше! – утверждаю я. – Более смелые!

– Мы попросту сильнее! – резко добавляет она.

– Девочки, дело в том, что большинство мужчин растет без малейшего понятия о том, как управлять эмоциями, позитивными или негативными, – вмешивается Паоло, будто дистанцируясь от своего же пола. – В детстве им велят не плакать, не вести себя как девчонки, не показывать свою уязвимую сторону, вот они так и растут. Они не привыкли проявлять свои чувства. Вот почему многие, например, занимаются гостингом, вот почему некоторые не умеют управлять

эмоциями или принимать отказ... – говорит он, разводя руками и слегка склонив голову. – Они не умеют этого делать, они не знают как, потому что они эмоционально неграмотны, и мысль заглянуть к себе же в душу повергает их в ужас, – затем, отхлебнув глоток, он добавляет серьезным тоном: – Но это уже другой разговор.

– Ты абсолютно прав, черт возьми! – соглашается Мартина. – *Развитие эмоционального интеллекта и воспитание чувств* – этот предмет следует ввести в обучение с самого детского сада.

– Этому нужно начинать учить еще раньше, в семье, – говорю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.